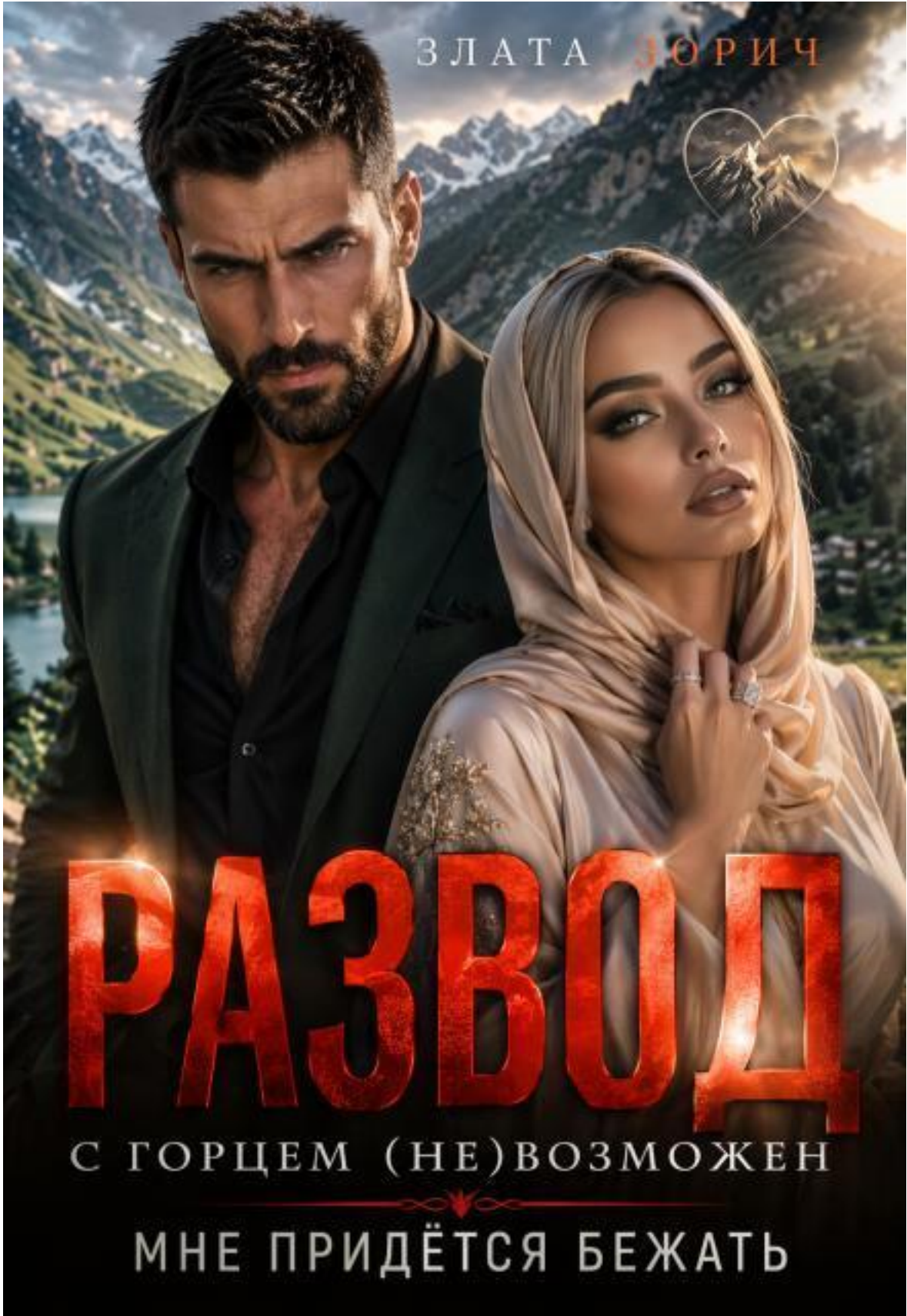

ЗЛАТА ЗОРИЧ

РАЗВОД

С ГОРЦЕМ (НЕ)ВОЗМОЖЕН

МНЕ ПРИДЁТСЯ БЕЖАТЬ

Злата Зорич

**Развод с горцем (не)возможен.
Мне придётся бежать**

«Литнет»

2025

Зорич З.

Развод с горцем (не)возможен. Мне придётся бежать / З. Зорич —
«Литнет», 2025

— Кто? — спросил он сразу.— Чудесная малышка! Хотите взять на руки?Но «счастливый» отец уже отвернулся. Вышел молча, не удостоив взглядом ни меня, ни свою дочь.Когда-то я поверила в сказку — и жестоко поплатилась за это.Я сменила имя, веру и стала женой мужчины, который казался мне опорой и защитой. А он решил привести в наш дом вторую жену. Ту, которая родит ему долгожданного наследника.Он уверен: я смирюсь. Но в этот раз он ошибся.Потому что я уже готова бежать. Даже если знаю: муж перевернёт весь мир, чтобы вернуть меня обратно.Это история о любви, превратившейся в триллер побега, который стал спасением и о том, что даже самые страшные шрамы на сердце могут стать началом новой любви — если найти в себе силы снова поверить.ХЭ для достойных!

© Зорич З., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Визуализация героев	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	33
Глава 12	35
Глава 13	36
Глава 14	38
Глава 15	40
Глава 16	42
Глава 17	44
Глава 18	46
Глава 19	47
Глава 20	49
Глава 21	51
Глава 22	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1

Сначала боль накатывала волнами. В редкие паузы между схватками, я цеплялась за них как за спасение, пока не поняла — передышек больше не будет. Боль стала непрерывной, густой, вязкой, как расплавленный металл, который заполнил всё внутри меня, не оставляя ни пространства, ни права на слабость.

А потом я и вовсе перестала быть человеком и сама превратилась в боль — в её проводник, в её оболочку. В ушах стоял непрерывный гул, будто я погружалась под воду всё глубже и глубже, словно я тонула и никак не могла выплыть.

Врач просил дышать правильно, смотреть на него, беречь силы, но силы уже давно закончились, и я делала всё на каком-то почти животном уровне, цепляясь за край сознания только потому, что внутри меня всё ещё был ребёнок.

Всё это время рядом со мной был он.

Но мой муж не держал меня за руку, не поддерживал, не искал моего взгляда, не пытался разделить со мной происходящее. Он просто присутствовал — напряжённый, собранный, неподвижный, и я физически ощущала его взгляд, направленный не на меня, а сквозь меня, как будто я была лишь средством, через которое должен появиться на свет результат. Он не доверял снимкам УЗИ, не доверял словам врачей, и потому пришёл сюда сам — чтобы убедиться.

От его присутствия боль становилась острее. Каждая схватка сопровождалась ещё и мучительной мыслью о том, что сейчас меня оценивают. Будто рождение ребёнка — экзамен, который я могу провалить. Будто моё право на любовь и уважение зависело от того, кто именно родится.

— Мадина, дыши. Смотри на меня, — просил врач.

Я пыталась, но всё было тщетно.

— Схватки слабые, — сказала акушерка после очередной попытки. — Мы теряем время.

— Можно сделать кесарево, — предложил врач. — Так будет безопаснее. И для неё, и для ребёнка.

Эти слова прозвучали как спасение, как единственный выход из этого бесконечного круга страдания.

Муж молчал.

Потом сказал ровно:

— Нет. Пусть рождает сама. Она справится.

— Это вторые роды подряд за короткое время, — врач нахмурился. — Организм ослаблен.

— Я сказал — она справится! Должна!

Я закрыла глаза.

Мне хотелось сказать, что я не справляюсь. Что я уже давно за гранью. Что боль такая, что темнеет в глазах, и я боюсь в какой-то момент просто не вернуться в сознание.

Но я знала: мой голос не решает ровным счётом ничего.

Я позволила боли накрыть меня полностью, потому что сопротивляться ей больше не было сил. Я чувствовала, как тело горит, как мышцы сводит судорогой, как боль вспарывает меня изнутри, не оставляя даже возможности кричать — только хрипеть, теряя голос.

Вдруг дикий крик вырвался из груди — рваный, отчаянный, лишённый всякого достоинства, крик существа, доведённого до предела.

А потом всё внезапно закончилось.

Я услышала плач — тонкий, пронзительный.

— Кто? — спросил муж сразу же, не дав мне ни секунды опомниться.

— Поздравляю! — ответил врач. — У вас чудесная малышка! Хотите взять на руки?

Но «счастливый» отец уже отвернулся. Он вышел молча, не удостоив взглядом ни меня, ни нашу дочь, словно в палате больше не было никого, заслуживающего его внимания.

Мне положили ребёнка на грудь, и её тёплое, живое тельце стало последней каплей. Я прижала малышку к себе и разрыдалась.

Потому что любимый даже не пытался скрыть своего разочарования.

Я плакала от боли, от унижения, от страха перед тем, что ждёт нас дальше. От осознания, что в тот самый момент, когда на свет появилась наша дочь, мой муж уже мысленно был где-то в другой жизни, где для меня и моих девочек не было места.

Я думала о его словах, брошенных им когда-то в ссоре — злых, резких. Тогда я не поверила, что он может так со мной поступить, но теперь...

Теперь же, лежа с ребёнком на груди и слушая её дыхание, я по-настоящему испугалась.

— Вы молодец, — сказала с улыбкой акушерка, вытирая мне пот со лба. — Вы справились!

Я действительно справилась, но радости не было. Я смотрела в потолок и думала о том, что будет дальше.

Возьмёт ли он теперь вторую жену?

Приведёт ли её в наш дом? Будут ли у него другие дети от другой женщины? "Правильного" пола?

Будет ли он смотреть на меня теперь так всегда — словно я ошибка, которую нужно исправить.

Он не был таким, когда мы встретились!

Когда его любовь превратилась в требование?

Когда я перестала быть любимой женщиной — и стала функцией?

Визуализация героев

Дорогие читательницы! Встречайте нашу прекрасную героиню!

Мадина Ибрагимова (в прошлом Марина Салибекова)

Ради Ислама она изменила всю свою жизнь и стала той женщиной, которую от неё ждали. Но теперь ей придётся снова измениться. На этот раз ради себя и своих детей.

Глава 2

Он пришёл только на следующий день, когда боль уже не была такой острой, но стала постоянной — тянущей, ноющей, расползающейся по телу, как напоминание о пережитом кошмаре. Моя роскошная частная палата, больше похожая на номер дорогого отеля, пахла лекарствами и детским молоком. За окнами располагался тихий, зелёный дворик.

Но в этом тоскливом, сером утре для меня не было ни намёка на радость.

Дверь открылась без стука.

Он вошёл так уверенно, словно это место тоже принадлежало ему, словно это была не больничная палата, а его дом, где он имел полное право на всё. Посмотрел на меня мельком, на секунду задержал взгляд на ребёнке и сразу же отвёл глаза, будто даже этот взгляд был лишним.

Потом сел на стул напротив кровати, сложил руки на груди и несколько секунд молчал. Я почувствовала, как напряжение в комнате нарастает. Воздух становится тяжёлым, сердце начинает биться быстрее. Не от страха, а, скорее, от предчувствия чего-то неотвратимого.

— Врачи сказали, что с тобой всё нормально, — произнёс он наконец. — Значит, мы можем поговорить.

Я подняла на него глаза.

— О чём?

Он вздохнул — коротко, нетерпеливо, словно разговор уже изрядно утомил его.

— О том, что я буду делать дальше. С тобой...

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Девочка. Снова, — продолжил он, глядя прямо на меня. Бросил эти слова мне в лицо, словно это какое-то страшное оскорбление.

Я молчала, виновато опустив глаза.

— У меня должен быть сын.

Эти слова легли на меня тяжёлым грузом, придавили к кровати, не давая вдохнуть.

— Я долго думал, — добавил муж после минутной паузы. — Из-за состояния твоего здоровья это, скорее, необходимость, чем прихоть... Так что... Я возьму вторую жену.

В палате стало слишком тихо. Даже дыхание ребёнка показалось в этот момент оглушительным.

— Так будет правильно.

— Правильно для кого? — прошептала я.

Он слегка нахмурился, будто не понял вопроса.

Я посмотрела на свои руки — дрожащие, ослабевшие. На ребёнка, прижатого к груди. Потом перевела взгляд на мужчину, который когда-то говорил мне о любви и о том, что я — его единственная.

— А я? — спросила тихо, опустив глаза. — Что будет со мной? Об этом ты подумал?

Он пожал плечами.

— Ничего не будет. Ты останешься моей женой. Матерью моих детей. Тебе нечего бояться, если ты будешь вести себя правильно.

Это слово — *правильно* — обожгло.

— Я не смогу, — прошептала еле слышно. Мне так непривычно было ему перечить! — Я не смогу так жить... Ислам, прошу тебя... Не поступай так со мной!

Он наклонился вперёд, и в его взгляде появилось раздражение.

— Сможешь. — отрезал он. — Куда ты денешься? Ты уже многое смогла...

Я поняла, что он говорит о моём прошлом. О том, что я отказалась от своего имени, своей веры, своей жизни... Ради того, чтобы быть с ним. Как я научилась молчать, терпеть, подстраиваться...

— Ты будешь уважать моё решение, — продолжил он. — И мою вторую жену тоже. Это твой долг.

— А если я не соглашусь?

Он бросил быстрый взгляд на дверь, потом снова на меня — холодно, убийственно-спокойно.

— Тогда тебе будет тяжело. Но всё равно придётся...

Он поднялся, поправил куртку и ушёл. Дверь закрылась за ним мягко, почти бесшумно.

Я снова осталась одна — на самом дне горького отчаяния. Прижала дочь к себе и почувствовала, как слёзы медленно, беззвучно катятся по щекам.

Но тогда я ещё не знала, что это только начало моего пути, полного горестей и унижений...

Глава 3

Выписка должна была быть праздником. На деле же это оказалось испытанием, к которому моё тело и душа были совершенно не готовы. Да, мне хотелось побыстрее оказаться дома, но просто так уехать я не могла. Я должна была пройти через роскошную церемонию, так неуместную сейчас.

После тяжелейших родов меня долго зашивали. Теперь я боялась пошевелиться — каждое движение отзывалось тянущей, жгучей болью где-то глубоко внутри. Я не могла сидеть — было больно. Не могла стоять — ещё больнее. А сегодня ещё пришло молоко — грудь налилась так, что даже касаться её было больно

— Вам нужно одеться, — сказала медсестра. — Ваши родственники уже приехали.

Мои родственники? Среди людей, собравшихся возле роддома, не было ни одной родной души. Это были родственники мужа, а у меня самой не было никого. Уже несколько лет я — круглая сирота.

Мне принесли платье. Дорогое, роскошное. Ткань была плотной, тяжёлой, чужой на теле, которое нуждалось не в роскоши, а в покое и тишине. Я смотрела на себя в зеркало и едва узнавала — бледное лицо, запавшие глаза, губы без цвета. Только одежда кричала о благополучии, словно пыталась заглушить правду.

Когда меня вывели в холл, яркий свет ударил по глазам. Пространство закружилось, и я на секунду испугалась, что упаду — здесь, на глазах у всех, разрушив тщательно выстроенную картинку.

Ислам был безупречен. Дорогой костюм, спокойное лицо, уверенная осанка. Он выглядел так, будто приехал не за женой и новорождённой дочерью, а на важную встречу, где всё должно соответствовать статусу.

Рядом с ним толпились улыбающиеся люди, держащие в руках огромные букеты. Ислам даже заказал профессионального фотографа!

Он подошёл — не обнял меня, не спросил, как я себя чувствую. Просто протянул букет, который был огромным и чудовищно тяжёлым. Алые розы, перевязанные лентой, пахли резко и навязчиво. Я взяла его — и тут же почувствовала, как руки задрожали.

Никто не заметил, как я пошатнулась.

Меня окружили поздравлениями, кто-то восторженно ахал, глядя на платье, на цветы, на нашу идеальную картинку «счастливой семьи». Я улыбалась. Улыбалась изо всех сил, потому что знала — я обязана поддерживать иллюзию, которую создал Ислам. Внутри меня было пусто и больно, но снаружи должен быть праздник.

— Ну что, брат, — раздался голос и за ним короткий смешок, — опять принцесса?

— Значит, в доме будет красота, — добавил другой. — Девочки — это тоже хорошо. Но ты, смотри, главное на этом не останавливайся!

— А если и третья будет девочка? — сказал кто-то. — Не останавливайся и на этом! Продолжай творить красоту!

— Главное, чтобы в следующий раз был наследник, — сказал кто-то уже почти шёпотом.

Ислам усмехнулся — краем губ, стараясь не показывать, насколько сильно оскорблён этими фразами.

Я смотрела на него и вспоминала, как когда-то он говорил, что дети — это благословение. Что он будет благодарен Аллаху за каждого. Он был таким внимательным. Тёплым. Любящим. Говорил, что я — его выбор, его судьба.

Сейчас я видела, как напряжена его челюсть, как резко очерчены скулы. Он был в бешенстве. Я чувствовала это кожей, так же отчётливо, как боль в собственном теле.

Подколы родственников задели его сильнее, чем он позволил себе показать. Они били по его мужскому самолюбию, по статусу, по той картинке, которую он обязан был держать перед другими.

И я знала: это не исчезнет. Это найдёт выход позже. Когда гости уйдут, когда шум стихнет, когда не останется свидетелей, вся эта едва сдерживаемая ярость найдёт того, на ком можно будет её выплеснуть...

На меня?!

Дома столы ломились от еды. Мясо, сладости, фрукты, выпечка — всё было расставлено с такой щедростью, словно это был не день моего возвращения после тяжёлых родов, а праздник, устроенный для того, чтобы показать достаток и благополучие. Женщины суетились, поправляли скатерти, перекладывали блюда, а мужчины рассаживались, громко переговариваясь.

Мне хотелось только одного — лечь. Побывать в тишине вместе с моими девочками.

Но моих желаний будто не существовало.

Передо мной поставили тарелку. Кто-то сказал, что мне нужно есть, восстанавливаться, быть сильной.

Я смотрела на еду и понимала, что не могу. В горле стоял ком, желудок сжимался от усталости и тревоги.

Долг обязывал меня быть здесь — сидеть, улыбаться, принимать поздравления, отвечать на вопросы, благодарить за подарки. Я знала, как *положено*. Я выучила это слово слишком хорошо. Положено быть спокойной. Положено не жаловаться. Положено не выносить своё состояние на всеобщее обозрение. Положено помнить, что я — жена большого человека и обязана держать лицо.

Прислуживать, к счастью, мне не приходилось. В нашем доме была прислуга, и мне не нужно было вставать, наклоняться, суетиться. В этом смысле моя жизнь выглядела почти безупречно — богатство, достаток, комфорт.

Я ждала, что Ислам подойдёт и скажет, что мне можно уйти. Что он отпустит меня наверх, к детям, к кровати, к тишине.

Но он не подходил.

Иногда наши взгляды пересекались. Всего на секунду. И в эти секунды я не видела там тепла. Только усталость. Раздражение. Отстранённость.

Мне хотелось только одного — остаться с мужем наедине и понять, что между нами ещё что-то есть. Что он всё ещё мой. Что этот холод — временный. Что мы справимся.

Но между мной и Исламом росло расстояние, которое уже невозможно было сократить ни долгом, ни терпением, ни правильным поведением.

И от этой мысли мне стало холодно — в этом тёплом, богатом, полном людей доме.

В какой-то момент Ислам поднялся из-за стола. Шум в комнате стих.

— Мадина, — сказал он.

Я вздрогнула и подняла на него глаза.

Он сделал шаг ко мне и протянул бархатную коробку. Я уже догадывалась, что в ней.

Он открыл её и повернул так, чтобы все увидели. Внутри лежало кольцо — крупный камень ловил свет люстр, переливался, искрился.

Кольцо было почти таким же, как то, что уже было на моей руке.

Первое он подарил после рождения Амины. Тогда я плакала от счастья — мне казалось, что это благодарность. Любовь. Признание.

— Это тебе, — сказал Ислам ровно. — За дочь.

Он взял мою руку. Его пальцы были холодными и твёрдыми. Надел кольцо медленно, демонстративно, будто выполнял ритуал, который нужно завершить до конца.

— Дороговато за девчонку, — сказал один из мужчин, явно в шутку, но достаточно громко. — Ислам, ты её балуешь.

Раздался смех.

Я увидела, как у мужа напряглись скулы. Как он на мгновение сжал мою руку чуть сильнее, чем нужно. Его лицо осталось спокойным, но я знала — внутри у него бушует ярость.

— Моя жена достойна самого лучшего, — сказал он спокойно.

Я опустила глаза. Посмотрела на свою руку. Теперь на ней было два почти одинаковых кольца. Два тяжёлых камня. Два символа, которые должны были говорить о ценности, а говорили совсем о другом.

Я приняла подарок так, как положено. Склонила голову перед мужем.

— Благодарю, — сказала тихо.

Он кивнул. Не обнял. Не посмотрел мне в глаза.

Это кольцо было не про любовь. Не про благодарность за то, что я выносила, родила, выжила.

Он сделал этот подарок не потому, что хотел, а потому, что был обязан. Потому что так положено. Так будет правильно.

Я села на своё место, чувствуя тяжесть на пальце и чудовищную пустоту внутри.

Глава 4

Ближе к ночи дом начал пустеть. Сначала стих смех, потом гул голосов — словно волна медленно откатилась назад, оставляя после себя усталость и липкую тишину. Я уже не улыбалась. Мне больше не нужно было держать лицо.

Воспользовавшись моментом, я ускользнула на второй этаж. Грудь ныла, требуя немедленно приложить к ней ребёнка.

В детской ночник отбрасывал тёплый свет на кровать. Я подошла к ней, наклонилась, и в этот момент всё остальное — гости с их язвительными намеками, холод и отстраненность Ислама — будто отступило.

Она была такая маленькая, такая беззащитная! Я осторожно взяла её на руки, прижала к себе и села, стараясь найти положение, в котором не будет слишком больно. Она сразу же заворочалась, нашла грудь. Я прикрыла глаза.

— Потерпи, — прошептала я больше себе, чем ей. — Мы справимся...

Вдруг на своей кровати заворочалась Амина. Минутой позже она открыла глаза.

— Мамочка... Я так соскучилась!

Амина подползла ближе, протянула пальчик и дотронулась до щёчки сестры.

— Она такая крошечная, — сказала она с благоговением. — Я буду её защищать!

У меня защемило в груди.

— Конечно, — ответила я и посмотрела на неё. — Ты у меня такая смелая и добрая!

Я снова посмотрела на своих девочек — одну у груди, другую рядом — и почувствовала, как слёзы подступают к глазам. В этот момент мне стало ясно как день: всё, что у меня по-настоящему есть — это они.

Не роскошный дом, не дорогие кольца, не статус жены влиятельного человека.

Только эти две жизни, зависящие от меня, доверяющие мне полностью.

Я поцеловала макушку младшей, провела рукой по волосам старшей. Амина была копией моей мамы.

Иногда мне казалось, что судьба просто вернула мне её — в этом детском лице, в разрезе глаз, в упрямом подбородке. Моя мама умерла задолго до её рождения, и всё же жила в ней — наперекор смерти.

Я перевела взгляд на младшую. Здесь всё было иначе. Она была точной копией своего отца.

Тот же нос. Те же губы. Даже нахмуренные во сне брови — точь-в-точь как у него, когда он сердился или о чём-то напряжённо думал. Я поймала себя на том, что держусь за эту мысль, как за спасательный круг. Что во мне, усталой, измотанной, всё ещё жива наивная надежда: если он увидит себя в ней, если узнает свои черты, своё отражение — его сердце смягчится.

Очень скоро Амина снова уснула — вымотанная долгим днём, полным впечатлений. Я поправила одеяло, провела пальцами по её волосам и тихо вышла с малышкой на руках.

Спустилась вниз медленно, осторожно, держась за перила. Без гостей дом казался таким огромным и пустым! Следы праздника ещё оставались — недопитые бокалы, смятые салфетки, запах алкоголя и еды, тяжёлый, вьёвшийся в воздух.

Ислам сидел в гостиной совсем один.

Он устроился в кресле, откинувшись назад, рубашка была расстёгнута у ворота. В руке — бокал. Он сидел и смотрел в пустоту, как человек, внутри которого что-то кипит, но не находит выхода.

— Ты... пьёшь? — спросила я растерянно.

— Сегодня можно, — сказал он глухо. — У меня же праздник...

— Праздник? — удивилась я. — Не говори, что это праздник для тебя. Ты даже не взял её на руки. Ты даже не посмотрел на неё!

— А что я там не видел? — бросил Ислам раздражённо. — У меня уже есть одна. Эта точно такая же...

Я сделала шаг к нему.

— Посмотри на неё, Ислам, — потребовала я с неожиданной для меня настойчивостью. — Посмотри... Просто посмотри, умоляю!

Я осторожно повернула ребёнка так, чтобы свет падал на её лицо. Всё в ней кричало о нём. О его крови. О его продолжении.

— Видишь? Она так похожа на тебя. Это же ты... твои черты, твой взгляд. Она твоя девочка.

Он посмотрел — внимательно, сосредоточенно. Несколько секунд, которые показались мне вечностью. Моё сердце билось так сильно, что, казалось, он должен был его услышать.

— Возьми её, — попросила я. — Пожалуйста. Возьми её на руки.

Я протянула к нему ребёнка — так, как протягивают самое дорогое.

— Ей нужен отец. Мне нужен ты.

Он отвёл взгляд.

— Я её отец и всегда им останусь. Чего ты хочешь от меня, Мадина?

Я посмотрела на него умоляюще. Он знает, о чём я хочу его попросить!

— Она моя дочь, — сказал он. — Но это не отменяет того, что мне нужен наследник. Иди наверх. Ты устала. Ты еле стоишь на ногах. Не доводи себя.

Я уже повернулась, чтобы уйти, но вдруг остановилась.

— Ислам... — я обернулась.

Он поднял на меня глаза. Взгляд был мутным от выпитого.

— Ну что ещё?

— Как ты назовёшь свою дочь? — сказала я. — Ты же должен её назвать. Мы можем назвать в честь твоей матери...

На мгновение мне показалось, что он скажет что-то важное. Что в нём шевельнётся хоть что-то. Я даже задержала дыхание.

Он пожал плечами.

— Называй как хочешь, — сказал он равнодушно. — Мне всё равно.

Мне стало трудно дышать. Я посмотрела на ребёнка у себя на руках.

Всё равно.

Ислам отвернулся к столу, снова взял бокал, словно наш разговор был закончен, исчерпан, не стоил продолжения.

Я простояла так ещё несколько секунд, ожидая чего-то — сама не знаю чего. Потом отвернулась и пошла наверх.

И в этот момент поняла: если он отказался даже дать ей имя, значит, он уже отказался от нас. Если даже эта прекрасная малышка не смогла смягчить его сердце, то мне больше нечем его удержать.

Глава 5

Я перебирала имена, как чётки, снова и снова. Красивые. Сильные. Благозвучные. Те, что понравились бы Исламу. Те, что, возможно, заставили бы его посмотреть на неё иначе. Те, что могли бы что-то изменить.

Но ни одно не отзывалось.

Однажды ночью, когда Сафия — тогда ещё безымянная — уснула на моей груди, я подумала о женщине, о которой в этом доме говорили только благоговейным шёпотом. Та, что родила пятерых сыновей, и которая покинула этот мир едва младший из них достиг совершеннолетия. О матери Ислама.

Я прошептала её имя едва слышно — и малышка вдруг вздохнула во сне.

Я не знала, как именноотреагирует Ислам, когда узнает, но в глубине души надеялась: он не сможет остаться равнодушным.

— Я назвала дочь, — сказала я ему на следующий день.

— И как же? — спросил он без интереса.

— Сафия.

Он помолчал. В его лице ничего не дрогнуло. Ни одобрения. Ни возражения. Ни даже удивления.

— Делай как знаешь, — сказал он и отвёл глаза.

Ислам почти не бывал дома. А если и бывал — мыслями был явно где-то далеко. Он не заглядывал в детскую. Не спрашивал. Не интересовался. Выходил из дома рано, возвращался поздно, ел молча, отвечал коротко и по делу.

Он стал таким отстранённым!

Иногда мне казалось, что я живу рядом с тенью — человеком, который физически здесь, но мысленно уже где-то в другом месте. В другой жизни.

Я ловила себя на том, что прислушиваюсь к каждому его шагу, каждому жесту, каждому взгляду, пытаюсь угадать, что же ждёт нас впереди. Он не напоминал о решении, о котором сообщил мне на следующий день после родов, но по-прежнему был очень холоден.

Я ждала — вот-вот муж оттаёт. Может быть, всё ещё обойдётся. Может быть, он передумает. Может быть, это была только его злость, только пустые слова, и он же всё-таки любит меня и наших девочек...

Я запрещала себе думать наперёд. Мне было проще жить в заботе, в рутине, в усталости. В мире, где самое важное — чтобы ребёнок поел и уснул.

Прошли месяцы.

Иногда Ислама не было сутками — командировки, встречи, дела. Но так было всегда: он был серьёзным человеком и очень занятым.

Когда он возвращался особенно поздно, я смотрела на него и думала: где же ты был? — но не задавала вопроса. В нашем доме вопросы мог задавать только один человек, и это, очевидно, был Ислам.

Было уже далеко за полночь, когда я услышала шум у ворот: рокот моторов, голоса, шаги, смех. Я встала, накинула платок и быстро спустилась вниз.

Дверь открылась, и Ислама почти внесли.

По обе стороны от него были его братья — они держали его под руки, переглядывались, посмеиваясь между собой. Ислам еле шёл: ноги путались, плечи были тяжёлыми.

Такого не было никогда.

Никогда!

Он не позволял себе слабости. Не позволял себе потери контроля.

— Осторожно, — сказал один из братьев вполголоса. — Давайте его сюда, на диван.

Я застыла как вкопанная, не узнавая собственного мужа.

— Зачем вы... — начала я, но осеклась от их взглядов.

— Всё нормально, — сказал один из братьев сухо. — Помоги ему сама и не буди никого. Потом они переглянулись, коротко кивнули друг другу и вышли так же быстро, как появились, оставив меня с мужем наедине.

— Ислам... Ты никогда... — слова застряли в горле. — Не позволял себе такого...

Он улыбнулся. В этой сдержанной улыбке было что-то торжествующее.

— Всё бывает в первый раз...

Я почувствовала, как внутри меня что-то дрогнуло — облегчение. Странное, болезненное облегчение. Потому что видеть его таким — живым, уверенным, довольным — было счастьем!

«Наконец-то, — подумала я. — Наконец-то он снова улыбается!»

— Мне радостно видеть твою улыбку, — сказала я ему. — Ты давно не был таким.

Он усмехнулся.

— Редко случаются такие хорошие дни.

Я смотрела на него и радовалась. Глупо. Отчаянно. Потому что мне так хотелось верить, что всё плохое осталось позади!

Я подняла его пиджак, который он скинул на пол, аккуратно расправила его на спинке кресла. Потом помогла ему разуться, принесла воды.

И затем позволила себе снова взглянуть на его лицо. Оно было таким светлым, таким счастливым, словно напряжение, копившееся месяцами, вдруг мигом сошло с него. Он сидел, слегка улыбаясь сам себе, словно прокручивал в голове что-то приятное, что-то своё, куда мне не было доступа.

Я смотрела на него, впитывая каждую деталь — как разгладилась складка между бровями, как мягче стали черты, как исчезла глухая отстранённость. Мне хотелось верить, что эта ночь каким-то чудом всё изменила, что внутри него всё наконец-то встало на свои места.

«Может быть, всё обошлось, — подумала я. — Может быть, я зря себя изводила. Может быть, это и правда хороший день...»

Я постояла ещё немного, потом всё-таки решилась.

— У тебя... — я запнулась, подбирая слова. — Случилось что-то хорошее?

Он посмотрел на меня так, словно только сейчас вспомнил о моём существовании.

— Да, — сказал он. В его взгляде сияла уверенность человека, у которого всё сложилось именно так, как он хотел.

И, прежде чем я успела что-то добавить, он протянул руку и бросил на стол листок.

Белый лист скользнул по столешнице и замер у самого края.

Сердце вдруг заколотилось так сильно, что мне пришлось сделать вдох, прежде чем подойти. Я взяла бумагу, развернула её, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел.

Это был медицинский бланк.

Я пробежала глазами по тексту, не улавливая смысла, а потом перечитала медленно, слово за словом, пока взгляд не зацепился за самое главное.

Пол плода: мужской.

Патологий не выявлено.

У меня закружилась голова.

— Это... — я подняла на него глаза. — Это что?

— Сын, — ответил он торжественно и гордо. — Это мой сын!

Глава 6

Я ещё раз посмотрела на бумагу, не веря ни глазам, ни ушам своим.

Слова будто были написаны не чернилами, а чем-то едким — они жгли глаза, разъедали мысли. И я наконец поняла, что Ислам шёл к этому результату все эти месяцы, пока я приходила в себя после родов и выкармливала нашу малышку.

Он трудился над зачатием, пока я, как последняя идиотка, надеялась на что-то.

— Сын... — повторила я тихо.

— Наконец-то! — воскликнул муж. — Аллах велик!

— И как это... Каким же образом это произошло?

Ислам рассмеялся.

— Не заставляй меня напоминать тебе о том, откуда берутся дети! Неужели ты успела об этом позабыть за то время, пока я не касался тебя?

— Просто я не понимаю... Как это вообще возможно? Как ты это допустил? Связь до брака... Беременность до брака... Это же... Харам!

Муж усмехнулся и посмотрел на меня снисходительно. Так смотрят на человека, который всё ещё верит в правила, когда ты давным-давно живёшь по своим.

— Я признаю, что это мой грех перед Всевышним, — сказал он. — Но я бы никогда и ни за что не пошёл на такой важный шаг вслепую. Мне нужен был стопроцентный результат! Стопроцентные гарантии!

— Гарантии... чего?

— Что будет мальчик! Ты думаешь, что я бы просто взял кого-то второй женой? Кого-то, кто может оказаться больной, бесплодной? Кого-то, кто будет рожать мне девчонок?

— Ты... — я запнулась. — Ты хочешь сказать, что...

— Я бы никогда не женился снова, не зная наверняка. Я не собираюсь ещё раз выслушивать эти шуточки, ловить на себе эти взгляды, это сочувствие вперемешку с насмешкой. Мне нужен был наследник. И теперь он у меня точно будет.

— Но... Это же грех! — повторила я упрямо. — Ты сам учил меня, что...

Он махнул рукой, заставляя меня замолчать.

— Вот именно, что это я тебя всему учил. А тебе не стоит учить меня! Я просто не мог поступить иначе...

— А если бы там снова была девочка?

— Тогда никакой свадьбы бы не было, — ответил он спокойно. — Это же очевидно. Разве нет?

В этот момент что-то внутри меня окончательно сломалось. Я поняла, что всё это время жила рядом с человеком, который воспринимает женщин не как людей, а как функцию. Который говорит о наших детях, как о неудачных вложениях, которые он боится повторить. И для того, чтобы этого избежать, разрешает себе совершить грех...

— Ты должна быть благодарна, — сказал неожиданно Ислам. — У тебя есть большой дом, украшения, статус. Твои девочки никогда и ни в чём не будут нуждаться... У них есть и будет всё, что только можно пожелать.

Всё, но только не уважение и любовь родного отца... И я не чувствовала благодарности. Я смотрела на мужа и думала только об одном: *он не видит во мне человека*. И никогда не видел.

— А если я не соглашусь на это всё? — бросила я ему в лицо свою закипающую ярость. — Что тогда будет?

— Ты моя жена, Мадина! И ты никуда от меня не денешься. Ты должна!

— Вот именно, что я твоя жена! А она? Кто она такая? Что это за женщина, которая позволяет себе... — я запнулась, но всё-таки договорила, — спать с женатым мужчиной? Ты

боишься насмешек из-за пола ребёнка, но не боишься брать в жёны такую женщину? Внебрачная связь, беременность до никаха... Тебе не будет стыдно перед семьей?

Я смотрела на него прямо, не отводя глаз. Во мне уже не было робости — только возмущение, густое и горячее, как кровь, прилившая к лицу.

— Ты сам говорил, — продолжила я, — что честь женщины — это всё. Что репутация женщины — это всё. А она? Ей, получается, всё можно?

— Для неё это не такой уж и грех, — ответил Ислам спокойно. — Она не мусульманка, у неё другое воспитание. Другие рамки. Но после того, как мы проведём все необходимые обряды, никто и слова не сможет сказать про неё! И всё будет относиться к ней с уважением. И ты будешь!

Эти слова были как пощечина. Как плевок в лицо. Как нож под сердце.

— С... с уважением? — переспросила я.

— Да, — он выпрямился. — Она заслуживает почёт и уважение хотя бы потому, что дала мне то, что ты не смогла! Наденем на неё платок. Проведём все необходимые церемонии. Всё будет как положено. Никто и слова не скажет.

Перед глазами потемнело, и я схватилась за спинку стула, чтобы не упасть.

Никто и слова не скажет.

А мне говорили! Всегда.

Что отец «неправильно» меня воспитал. Что я пришла к вере слишком поздно. Что во мне всегда будет что-то не то и не так. Всегда чего-то недостаточно...

А тут беременная до брака от женатого и — никаких проблем.

— Значит... — сказала я с отчаяньем в голосе. — Значит, всё это было зря?

Он нахмурился.

— О чём ты?

— Всё, — я шагнула к нему. — Всё, через что я прошла. Меня годами тыкали в то, что мне нужно стараться больше. Быть тише. Чище. Правильнее. А теперь ты говоришь мне уважать девку, которая легла под женатого и забеременела от него?!

Ислам резко встал. Стул с глухим звуком упал на пол.

Он шагнул ко мне так резко, что я отпрянула.

— Замолчи! — рявкнул он. — Ты переходишь все границы!

— Нет, Ислам! Это ты перешёл их!

Его лицо исказилось. Никогда ещё я не видела в нём такой ярости.

— Я всегда тебя баловал, жалел... — произнёс он еле слышно. — Братья говорили мне: зря. Говорили, что я слишком мягкий. Отец говорил мне, что это — слабость. Что я не воспитываю жену так, как положено.

У меня внутри всё похолодело.

— А я защищал тебя, — продолжил он вкрадчиво. — Говорил, что твой отец просто не успел привить тебе того, что следовало, а мать не могла... Говорил, что тебе нужно время. Но теперь я вижу, насколько же сильно я ошибался...

Он усмехнулся, и в этой усмешке было что-то очень страшное.

— Вот к чему это привело! К твоей дерзости! Наглости! Хамству!

Его рука резко взметнулась вверх.

— Только попробуй, — сказала я тихо.

Глава 7

Я думала, что сейчас он меня ударит. Мысленно я уже была к этому готова — внутренне сжалась, ожидая боли, вспышки, толчка, который можно пережить, стиснув зубы.

Но то, что произошло потом, я не могла представить даже в самом страшном сне.

Он схватил меня.

Резко, грубо, так, что у меня вырвался короткий вскрик. Его пальцы впились в ткань моего платья, и прежде, чем я успела что-то сказать или сделать, оно с треском разорвалось, поддавшись его силе.

— Ты моя жена, — сказал он глухо. — И я напому тебе и твоё место, и твои... Обязанности.

Я попыталась вырваться, но куда там — он был гораздо сильнее меня. У меня не получилось даже дёрнуться — Ислам крепко держал меня в тисках своих «объятий».

Сначала я не поверила, что он способен на такое — это было короткое, обманчивое мгновение, когда разум ещё цепляется за прошлое, за привычный образ, за память о человеке.

Но потом я увидела его глаза.

Они наливались кровью, как тёмное вино в прозрачном бокале. Взгляд стал тяжёлым, бешеным, лишённым всякого сомнения.

Я уже понимала, чего он от меня хочет, и от этого понимания меня охватил холодный, животный страх.

После тяжелейших родов тело всё ещё не восстановилось. Мысли о близости — любой — вызывали у меня не только стыд и смущение, но и панику, и ужас.

— Пожалуйста... — прошептала я еле слышно. — Я не могу. Мне больно. Ты же знаешь это...

Он усмехнулся.

— Я ждал достаточно! К тому же... Это твоя обязанность!

— Иди к той, которая с удовольствием выполнит эту обязанность вместо меня! Пусть она теперь удовлетворяет твои инстинкты!

— К ней я больше не притронусь, пока она не родит. Я не рискую тем, что действительно ценно. Сейчас она — хрустальный сосуд.

— А я?

Но и без его ответа было понятно, что в его голове всё уже расставлено по своим местам. Одна — сосуд. Другая — ресурс. Одна — величайшая ценность. Другая — та, которую можно использовать.

Я рванула к входной двери — не думая, не рассчитывая, просто подчиняясь единственному желанию: убежать как можно дальше от человека, который на моих глазах превращался в животного.

Мне показалось, что я почти успела.

Но в следующую секунду резкий рывок дёрнул меня назад — так внезапно, что в глазах вспыхнули искры. Он схватил меня за платок. Ткань натянулась на шее, передавила дыхание, и я захрипела.

Платок слетел с головы и остался у него в руке. Я даже не успела осознать этого — только почувствовала холод, словно с меня содрали не кусок ткани, а последнюю защиту.

Потом он схватил меня за волосы и потащил к лестнице.

Я вскрикнула — и тут же прикусила губу, потому что наверху спали дети.

Только бы не разбудить. Только бы не напугать.

— Ты виновата, — прошипел муж. — Ты во всём виновата сама... Как ты этого не понимаешь.

Я цеплялась за лестницу, за стену, за всё, что попадалось под руки, но каждая моя отчаянная попытка спастись лишь усиливала боль — он тянул сильнее, жёстче, будто хотел вырвать мне волосы.

— Ислам, пожалуйста... — я задыхалась от слёз и страха. — Остановись. Прошу тебя. Дети... Там дети спят...

— Замолчи, — сказал он глухо. — Ты сама до этого довела.

Слова тонули в воздухе. Он их не слышал. Или не хотел слышать.

В какой-то момент я поняла: он не остановится. Ни от слёз. Ни от просьб. Ни от упоминания детей. В нём было что-то каменное, чужое, страшное — как будто передо мной стоял не человек, а голая решимость доказать свою власть.

Он втолкнул меня в спальню и захлопнул дверь.

Я сползла на пол, дрожа всем телом, стыдливо прикрываясь разорванной тканью.

Последнее, о чём я подумала, прежде чем всё внутри оборвалось: если я останусь с ним — однажды он меня сломает. А мои дети вырастут в этом аду, с твердым пониманием того, что *так* можно поступать... Что это — норма.

И эта мысль — ясная, страшная — стала первой искрой будущего побега.

Ислам подхватил меня и швырнул на кровать так, что воздух выбило из лёгких. Потом навис сверху — тяжёлый, чужой, с этим стеклянным, нечеловеческим взглядом, в котором я не узнавала собственного мужа.

В этот момент я перестала бороться. Я больше не кричала, не сопротивлялась. Не потому, что смирилась, а потому что до конца осознала свою беспомощность.

Я думала только о том, чтобы это быстрее закончилось, и чтобы дети не проснулись. Смотрела в потолок сквозь пелену слёз, и чувствовала, как внутри меня что-то умирает. Последняя иллюзия. Последняя надежда на счастье.

Закончив, Ислам отстранился так резко, как будто всё, что происходило секунду назад, перестало иметь для него значение. Я услышала, как он тяжело выдохнул, поправил одежду. Этот звук — шуршание ткани, металлический щелчок пряжки — навечно врезался в мою память.

Он посмотрел на меня сверху вниз — в этом взгляде было удовлетворённое спокойствие человека, который взял своё и больше не обязан задерживаться.

— Приведи себя в порядок, — приказал он. — И запомни: так будет всегда, пока ты не научишься нормально себя вести.

Потом он просто развернулся и вышел.

Я осталась одна в смятой постели, с вырванными волосами, с разорванной одеждой и с ощущением, будто меня растоптали. Прижала ладонь ко рту и беззвучно зарыдала, захлёбываясь слезами, потому что не имела права кричать — ни сейчас, ни, как оказалось, никогда больше.

Слёзы текли беззвучно, одна за другой, и каждая была как маленькое прощание — с тем Исламом, которому я однажды безоговорочно поверила.

С тем, кто говорил со мной вполголоса, будто боялся спугнуть. Кто смотрел так, словно я была чем-то драгоценным и очень хрупким. Я вспомнила его руки — тогда они были тёплыми, осторожными, чуткими. Вспомнила, как он впервые коснулся меня, и сердце ударилось о рёбра так сильно, что перехватило дыхание.

Тогда он казался крепостью. Опорой. Мужчиной, за чьей спиной можно спрятаться от всего мира.

«Куда он исчез? — думала я с горечью. — В какой момент этот человек... умер?»

Теперь рядом был незнакомец. Чужой. Жестокий. С холодными глазами, в которых не было ни трепета, ни сомнений — только право и власть. Человек, для которого я перестала быть женщиной и стала функцией, обязанностью, телом.

И сколько бы я ни плакала, сколько бы ни цеплялась за воспоминания, вернуть его обратно было нельзя. «Того» Ислама, похоже, больше не существовало.

А значит, и «та» Мадина тоже должна была исчезнуть.

Глава 8

Подготовка к свадьбе началась сразу же — на следующий день. Если Ислам принимал какое-либо решение, оно не обсуждалось — оно исполнялось быстро и чётко.

— Нужно всё сделать в ближайшие недели, — отдал он приказ.

И дом наполнился движением. Телефон Ислама не умолкал: мероприятие должно было стать по-настоящему роскошным — совсем не как наша с ним довольно скромная свадьба. Старшие мужчины обсуждали условия, младшие выполняли поручения. Женщины выбирали наряды — для них это был всего лишь очередной повод выгулять свои брильянты.

Никто не говорил вслух, что невеста уже беременна, но об этом знали, кажется, вообще все. И делали вид, что всё идёт «как положено».

Нельзя было затягивать: никакого долгого сватовства, никаких месяцев ожидания. Главное — узаконить ребёнка. Всё остальное вторично.

Я наблюдала за этим со стороны, чувствуя себя прозрачной. Со мной почти не разговаривали, меня игнорировали. Даже смотрели сквозь меня.

И это было самым страшным. Меня будто аккуратно отодвинули в сторону, чтобы я не мешала.

Ислам ходил по дому воодушевленный, даже довольный. Он словно вернул себе утраченное равновесие, ту уверенность, которую, как мне казалось, он потерял после рождения второй дочери. Теперь у него был план. Был сын. Было будущее, в котором для меня не оставалось места, кроме отведённого.

Я всегда знала, что мужчина имеет право на вторую жену, если он может обеспечить её так же, как и первую. Ислам мог. У него было столько денег, что он мог взять и третью, и четвертую. Но мне всегда казалось, если мужчина по-настоящему любит, то ни за что на свете не отодвинет женщину на второй план.

Ислам, видимо, меня уже не любил.

Каждый день, наблюдая за торопливой подготовкой, я умирала внутри. И мне даже не на кого было опереться. У меня не было никого и ничего на свете — ни одного плеча, к которому можно приклониться, ни одной двери, за которой можно укрыться. Ни имени, которое кто-то произнёс бы вслух в мою защиту.

А у Ислама была не просто семья — а крепко спаянный клан, где каждый был опорой, стеной, оружием.

Один из его братьев был главным врачом городской больницы, другой владел половиной коммерческих помещений в городе, третий занимал должность прокурора. Четвёртый — адвокат, знавший, как превратить любой проступок в недоразумение, а любую жертву — в виноватую.

Вместе они владели городом.

Пойти против этой машины — это глупость, без шанса на победу.

Я понимала это слишком хорошо.

Если бы я пожаловалась — меня бы пристыдили. Если бы попыталась уйти — меня бы вернули. Если бы я попыталась бежать...

Об этом даже думать бессмысленно. Без шансов.

Я ловила себя на том, что хожу по дому тише, чем раньше. Что стараюсь не попадаться на глаза, не задерживаться в общих комнатах, не слушать разговоры, в которых решалась моя судьба без моего участия. Я стала тенью — законной женой, чьё присутствие терпели, но чьё мнение больше не учитывали.

Дата уже была объявлена. Осталось обсудить детали и закрыть последние вопросы: подарки, наряды.

Я узнала об этом позже всех остальных — вечером, когда ко мне заглянула жена одного из братьев Ислама. Алия всегда была ко мне добрее и снисходительнее остальных. У неё тоже рождались девочки, но, в отличие от меня, здоровье позволяло ей рожать каждые два года, и её третьим ребёнком стал долгожданный мальчик. Она пришла проводить детей, спросить, как я себя чувствую. Мы долго говорили ни о чём, но главную тему игнорировать становилось всё трудней, словно гигантского слона в комнате.

А потом Алия достала телефон.

— Я сегодня видела её, — сказала она тихо и огляделась, словно в детской кто-то мог нас подслушивать. — В ресторане...

Я не спросила «кого». Мне не нужно было. Это было слишком очевидно.

И, прежде чем я успела сказать, что не хочу её видеть, она повернула ко мне экран.

Фотография была сделана украдкой, издалека. Плохой ракурс, неидеальный свет — но даже так было очевидно, что девушка очень красивая. И очень молодая.

Она сидела за столом, нарочито покорно опустил глаза с наклеенными ресницами.

— Тихая, — продолжала Алия, украдкой наблюдая за мной. — Вроде воспитанная. Старшим понравилась.

Я смотрела на экран и чувствовала, как внутри всё холодеет.

Чем дольше я всматривалась в фотографию, тем отчётливее видела то, что сначала ускользнуло от взгляда. Её лицо было слишком... совершенным. Скулы — явно не той формы, которую даёт природа. Губы — чрезмерно полные, яркие. Кожа — безупречная, как после бесконечных уколов и процедур. Это была красота, собранная по частям умелыми руками косметологов.

И платье. Скромное закрытое платье было покрыто стразами и блёстками так плотно, что резало глаза. Будто она сидела не за семейным столом, а под софитами. Даже платок — да, платок на ней уже был — не скрывал, а подчёркивал. Он был частью образа, аксессуаром, ещё одним элементом роскоши, а не знаком скромности.

Я вернула Алии телефон. Руки слегка дрожали, и я крепче прижала к себе Сафию.

— Она знает обо мне? — спросила я, не поднимая глаз.

— Конечно знает. Ты не переживай. Всё будет... как положено.

Как положено.

Эти слова всегда означали только одно: тебе придётся смириться.

— Мне она показалась неплохой девушкой, — продолжила говорить Алия. — Спокойной. Ты смотри, может вы даже сможете поладить...

— А ты... — я подняла на неё глаза. — Что бы ты сделала, если бы узнала, что твой Амир собирается взять вторую жену?

— Я? Зарезала бы! Обоих! — ответила она резко.

Я вздрогнула, а Алия, заметив мою реакцию, усмехнулась.

— Ну а если честно, — продолжила она уже тише, — сначала именно так и думаешь. В груди всё горит, руки трясутся, кажется, что если не сделаешь что-то прямо сейчас, то просто умрёшь.

Она немного помолчала.

— А потом проходит. Потому что ты смотришь по сторонам и понимаешь, где ты живёшь. В какой семье. С каким мужем. С какими законами...

Она посмотрела куда-то в сторону, пряча боль в глазах.

— Ты злишься. Плачешь. Ненавидишь всех. А потом... смиряешься. Потому что иначе — будет хуже. Для тебя. Для детей. Кому станет легче от того, что ты сойдёшь с ума от ревности? Проще смириться.

Это слово прозвучало так обыденно, будто речь шла о плохой погоде, к которой просто нужно привыкнуть.

— А как же любовь? — спросила я, сама не зная зачем.

Она посмотрела на меня с жалостью.

— Любовь — это роскошь, Мадина. Она хороша, когда не мешает порядку. А когда мешает — от неё избавляются первой.

Я опустила взгляд на Сафию, которая тихо сопела у меня на руках.

— Ты привыкнешь, — сказала Алия напоследок, направляясь к двери. — Все привыкают. Абсолютно все...

Но в этот момент я уже понимала: если я смирюсь — от меня ничего не останется. Я просто не могу смириться, чтобы не потерять самое дорогое, что у меня есть — саму себя.

Глава 9

Он вошёл очень тихо, но я кожей почувствовала его приближение ещё до того, как услышала шаги. Я кормила Сафию и старалась не думать ни о чём, кроме её тёплого дыхания. Эти минуты нашего полного единения были моим единственным спасением.

Ислам остановился в шаге от меня, но я даже не подняла голову. После той ночи мы ещё ни разу не оставались наедине. Можно было бы подумать, что он избегает меня, потому что его мучает чувство вины, но, на самом деле, ему просто было всё равно.

Раны на моем теле затянулись, синяки сошли, боль стала терпимой. Но сердце было разбито вдребезги.

— Назначена дата, — произнёс Ислам. — Но тебе, наверное, уже доложили...

У меня на мгновение потемнело в глазах.

— Доложили, — ответила я тихо.

Он кивнул и опустил взгляд на ребёнка. На секунду мне показалось, что в его лице мелькнуло сомнение — тень, отблеск чего-то человеческого. Но оно исчезло так же быстро, как появилось.

— Свадьба послезавтра, — объявил он спокойно и буднично. — Ты должна будешь присутствовать.

— Ты хочешь, чтобы я была на свадьбе? — переспросила я, не веря своим ушам. — Но я не смогу...

Ислам нахмурился, как будто мои слова были чем-то совершенно неуместным.

— Это будет большой праздник. Соберётся весь город, приедет вся родня. Ты обязана быть там и вести себя так, как подобает первой жене. С почтением к младшей...

Должна. Я всегда была кому-то что-то должна.

Сафия отпустила грудь и заплакала — словно почувствовала напряжение, которое охватило меня. Я прижала её к себе, начала покачивать, шепча бессмысленные слова, которые обычно её успокаивали. Сегодня они звучали пусто даже для меня.

— Почтение, — повторила я глухо. — Ты правда считаешь, что я на это способна?

— Ты обязана.

— Ты хочешь, чтобы я улыбалась ей? Кланялась? Благодарила?

— Именно.

— После всего... Что ты со мной сделал?

Он напрягся, словно я произнесла запретное слово.

— Ты моя жена, — резко сказал он. — И между нами не произошло ничего, что не было бы дозволено.

В этот момент в комнату вошла служанка и застыла за спиной Ислама. В её руках был большой свёрток, аккуратно упакованный в бумагу.

— Покажи ей, — приказал Ислам.

Служанка разложила бумагу прямо передо мной.

Платье раскрылось, как ослепительный цветок.

Я никогда в жизни не видела ничего подобного. Тяжёлая, дорогая ткань переливалась в свете лампы, вышивка была тонкой, почти ювелирной, камни ловили каждый луч и возвращали его вдвойне. Это было не просто платье. Такое надевают только на особенное событие, где каждая деталь должна кричать о статусе, богатстве, власти.

Я представила себя в этом роскошном наряде на свадьбе собственного мужа, и горло сжалось так, что я не смогла вдохнуть. Это платье было не подарком. Оно было маской, которую мне предстояло надеть, чтобы красиво и достойно пережить собственное унижение.

— Это для тебя, — сказал Ислам. — Ты должна выглядеть соответственно.

— Спасибо, — выдавила я наконец, потому что знала: другого ответа для него не существует.

Ислам кивнул, удовлетворённый. Потом сказал служанке, чтобы она вышла, и наклонился ко мне — от тяжести его присутствия, от знакомого запаха, холодного блеска в его глазах, у меня внутри всё сжалось в тугую узел.

— Послушай меня внимательно, — сказал он тихо. — Если ты только посмеешь что-то выкинуть... Одно слово. Один взгляд. Одна попытка меня опозорить... я тебя уничтожу. Ты понимаешь, о чём я говорю? У тебя нет права на ошибку. Есть только я — и моя воля. И моя воля говорит, что ты будешь идеальной. Ты будешь улыбаться. Ты будешь приветствовать её. Ты покажешь всем, что в моём доме порядок.

Я подняла на него глаза.

— Ты же знаешь... Я никогда не перечила тебе. Никогда не делала ничего плохого.

— Я и не думал, что ты осмелишься, — перебил Ислам. — Ты не из тех, кто на это способен. Но даже взгляд, Мадина. Даже жест. Даже тень на лице. Всё это недопустимо. Ты должна продемонстрировать покорность, и не только мне. Всем. Чтобы ни у кого не возникло сомнений, что в моём доме всё под контролем.

— Я понимаю, — прошептала я.

Он удовлетворённо выпрямился.

— Вот и хорошо. Тогда у тебя не будет проблем.

Глава 10

День свадьбы наступил слишком быстро — я всё ещё не была готова к тому, что сегодня моя жизнь изменится раз и навсегда.

С раннего утра дом гудел, словно улей. Пахло свежей выпечкой, сладостями, чем-то пряным и тёплым — тем самым запахом, который обычно ассоциируется с праздником. И только для меня этот запах был удушающе горьким.

Амина бегала по дому, как маленький солнечный зайчик. Наряженная в роскошное платье, она напевала песенку, крутилась перед зеркалом, радовалась шуму, подаркам и гостям.

— Мама, у нас праздник? — спросила она, с восторгом принимая очередную милую безделушку, которые дарили ей женщины.

— Да, — ответила я, заставив себя улыбнуться. — Праздник.

Она ничего не знала. И не должна была узнать. А я должна была сохранить лицо спокойным и не дать пролиться слезам, хотя бы ради неё. Она ещё слишком маленькая...

Для неё это был праздничный день — когда дом оживает, когда взрослые наряжаются, когда можно бегать и смеяться, не получая замечаний. Я смотрела на неё и ловила себя на том, что хочу запомнить эту её беспечность и смех — на тот случай, если впереди нас ждут тяжёлые испытания...

Служанка помогла мне надеть платье, которое подарил мне Ислам. Я посмотрела на своё отражение в зеркале и не узнала себя.

Оно сидело идеально. Ткань струилась по фигуре, вышивка мягко ловила свет, камни мерцали, подчёркивая каждое движение. Это было платье женщины, которой можно позавидовать. Женщины, у которой, по мнению окружающих, есть всё — богатый и влиятельный муж, дом — полная чаша, чудесные дети.

А я смотрела на себя и чувствовала, как внутри поднимается волна — горячая, солёная, невыносимая.

«Только не плачь, — повторяла я себе. — Только не сегодня. Ислам не простит тебе этих слёз!»

Но глаза всё равно предательски щипало. Горло сжималось из-за подступающих рыданий. Я стояла, вцепившись пальцами в край туалетного столика, и дышала глубоко, пытаюсь успокоиться.

Сегодня мне будет очень трудно не заплакать.

Сегодня тысячи глаз будут впиваться в моё лицо, пытаюсь понять, что же я на самом деле чувствую. Но я ни за что на свете не должна показать своих истинных чувств.

Я гордо подняла подбородок, выпрямила спину и заставила своё отражение смотреть мне прямо в глаза.

Если этот день нельзя отменить, я должна пережить его достойно. Нельзя позволить себе рассыпаться — хотя бы ради дочери.

Я прикрыла глаза — всего на мгновение, чтобы не дать слезам пролиться — и память вдруг отбросила меня на несколько лет назад.

Тогда моя мама начала болеть. Сначала её мучала усталость, потом бессонные ночи, затем резкая худоба, которую она пыталась скрыть под просторной одеждой. Когда она обратилась за помощью к врачам, было уже слишком поздно. Лечение было возможно, но стоило таких космических денег, что мне становилось плохо от одной только мысли.

Помощи ждать было неоткуда. Окружающие сочувствовали, но сочувствие не оплачивало счета.

И тогда, в отчаянии, я сделала то, что казалось почти унижительным.

Я обратилась к родственникам отца.

Мы не общались. После его смерти связь оборвалась сама собой — просто потому, что моя мать была «не из их мира». Я, ребёнок того брака, который не одобрили его родители, была для них невидимкой. И уж точно у них не было ровным счётом никаких причин для того, чтобы помогать моей матери. Она была им никто.

Но отчаяние стирает гордость и дарит безумную, глупую надежду.

Я нашла контакты и позвонила. Нервно и задыхаясь, объясняла, что мне больше не к кому обратиться. Я не ждала чуда. Я даже не ждала ответа — скорее, просто закрывала последнюю дверь, прежде чем остаться в полном одиночестве и отчаянье.

«К тебе заедет Ислам, — сказали мне вдруг. — Он как раз живёт в вашем городе. Он разберётся...».

Я помню тот день до мелочей.

Был ясный полдень. Я стояла у окна, когда во двор въехала чёрная машина и оттуда вышел высокий, статный молодой человек. Он тогда был намного моложе, чем сейчас, но уже настолько же самоуверен. Прямая спина, спокойный, пронзительный взгляд, уверенные движения человека, который привык, что его слушаются. Он говорил мало, по делу и без лишних эмоций. Задавал вопросы. Смотрел на меня внимательно. Слишком...

Он не жалел меня, не выражал безграничное сочувствие. Он просто сразу же сказал, чем конкретно сможет помочь.

— Я всё организую. Отвезу её в Москву, найду лучших врачей. Разумеется, всё оплачу. Я не гарантирую чуда, но я сделаю всё, чтобы её спасти.

У меня подкосились ноги. Я села, потому что после таких слов не могла стоять. Хотела сказать хотя бы слова благодарности, но он остановил меня.

— Это наш долг — помогать членам нашей семьи. Мы всегда так делаем. Без исключений.

Я тогда ещё не знала, кем он станет для меня, кем стану я для него. Я просто смотрела на этого мужчину и понимала, что он — моя последняя надежда.

И он сдержал своё слово.

Он задействовал всё, что у него было: связи огромного клана, деньги, влияние, знакомства с нужными людьми. Благодаря Исламу, я смогла поехать с мамой в Москву и последние её дни всё время держала её за руку.

Он сделал всё, что мог. И даже больше.

Но было уже слишком поздно. Ни деньги, ни связи, ни лучшие специалисты не могли повернуть время вспять. Если бы мы обратились за помощью раньше, ей подарили бы как минимум ещё несколько лет.

В тот день, когда всё закончилось, я сидела у её кровати, а Ислам стоял чуть поодаль, у двери. Я чувствовала его присутствие спиной, кожей, дыханием. Потом он подошёл ближе, положил руку мне на плечо.

— Ты не одна, — сказал он тихо. — Запомни. Наша семья не оставит тебя...

Я знала, что обязана ему слишком многим. Знала — и это знание ложилось на плечи тяжёлым грузом. После того, как мамы не стало, я не могла остаться прежней. Что-то ушло вместе с ней, и на этом месте осталась только боль. Боль и благодарность человеку, который скрасил и облегчил её последние дни.

Он не исчез после похорон. Он приходил — не каждый день, но регулярно. Иногда просто сидел со мной, позволяя мне говорить всё, что на душе, или плакать. Иногда говорил сам — и однажды заговорил со мной о вере. Он сказал, что только вера может стать для меня опорой в этом мире. Опорой и маяком. Что когда у человека отнимают всё, остаётся только то, что внутри.

Он объяснял мне простые вещи. Почему смерть — не конец, а переход. Почему мама не исчезла, а ушла туда, где нет боли. Почему Аллах посылает нам только те испытания, которые мы способны вынести.

Я слушала его, как ребёнок, которому впервые становится не так страшно в темноте.

А ещё он говорил, что моя кровь помнит больше, чем я думаю. Что мой отец, если бы был жив, порадовался бы, увидев меня — не потерянную, не сломанную, а возвращающуюся к себе настоящей.

— Ты нам не чужая, — сказал мне Ислам. — Ты просто слишком долго жила вдали от семьи.

Когда он впервые взял меня за руку, я вздрогнула — не от страха, а от того, насколько это было... правильно. Как будто я всегда шла к этому и просто не знала дороги.

Он сразу же объявил мне, что я стану его женой. Что он возьмёт на себя ответственность за мою жизнь, что я всегда буду под его защитой. Я согласилась — не только из-за любви, но и из-за благодарности и желания наконец перестать быть одной.

Тогда он был другим. Тогда я была другой.

И я ещё не знала, что впереди нас ждут испытания, которые навсегда изменят нас обоих.
Испытания, после которых сказка начнёт превращаться в кошмар.

Глава 11

После свадьбы оказалось, что статус «его жены» подразумевает не только защиту, но и то, что моё «я» будет полностью стёрто. Конечно, это подавалось под соусом бесконечной заботы. Например, Ислам всегда говорит:

— Зачем тебе ходить в магазин самой? Водитель привезет всё необходимое!

Мои робкие попытки продолжить обучение в университете пресеклись на корню.

— Диплом? — удивлённо переспросил Ислам. — Зачем жене такого человека, как я, диплом? Тебе всё равно никогда не придется работать. Твоя работа теперь — наш дом.

Я пыталась спорить. Говорила, что мне важно закончить образование, что я мечтала об этом. Но он посмотрел на меня так, будто я была неразумным ребенком, просящим ненужную игрушку.

— На улице опасно. Ты знаешь, сколько у меня врагов? Один твой шаг за ворота без охраны — и ты станешь мишенью. Ты не представляешь, что могут сделать с тобой, чтобы ударить по мне. Ты этого хочешь?

В какой-то момент Исламу удалось убедить меня, что мир снаружи — это хаос, а здесь, за высокими заборами — единственное место, где я могу быть в безопасности. Я была готова прожить жизнь, не видя ничего, кроме этого сада и роскошных комнат, если бы у меня был малыш. Ребёнок стал бы моим смыслом жизни, заполнил бы эту звенящую пустоту.

К тому же, Ислам ясно дал понять, что с нетерпением ждёт, когда у нас родится наследник.

Столкновение с реальностью произошло внезапно и больно. Как-то раз я подошла к его кабинету, чтобы позвать на ужин, и случайно услышала обрывок разговора. Голос Ислама, обычно такой вкрадчивый и мягкий, когда он цитировал мне строки о милосердии, теперь звучал как лязг стали. Он отдавал страшные приказы. В тот вечер я впервые увидела людей, которые приходили к нему за «решением проблем». И в их глазах было не уважение, а страх.

Мой благородный наставник, мой «маяк», оказался главой преступного мира.

Сразу же, как умер его отец, он принял на себя бразды правления «семейным бизнесом» — огромным, пугающим синдикатом, о масштабах которого я могла только догадываться...

Месяц шел за месяцем, а заветные полоски на тесте так и не появлялись.

И тогда маска «заботливого мужа» начала трескаться, обнажая под собой нечто уродливое.

Ислам был человеком, чье слово было законом для тысячи людей, и он не мог принять того, что природа смеет ему перечить.

— Ты должна была принести в этот дом жизнь, Мадина, — сказал он однажды, глядя на меня так, будто я была бракованным товаром, за который он переплатил. — Я дал тебе всё! А ты... Ты не можешь дать мне самого малого!

Он начал возить меня по клиникам, как вещь на техосмотр. Процедуры, анализы, бесконечные допросы врачей... Я чувствовала себя не женщиной, а неисправным механизмом. А будущий ребенок был для Ислама не плодом любви, а еще одним активом. Символом его власти. И если я не могу произвести этот актив на свет, я становлюсь для него бесполезной.

Ужины, на которых собиралась вся семья, превратились в изощренную пытку. Старшие родственники Ислама не стеснялись в выражениях.

— Дом без детского смеха — это склеп, Ислам, — сказал как-то его дядя. — Семья ждет наследника. Люди шепчутся. Говорят, что глава синдиката не может справиться с собственной спальней.

Ислам сжал вилку так, что побелели костяшки пальцев, и процедил:

— Все будет. В свое время.

Но «время» истекало. Для него каждое такое слово было ударом по его эго и мужественности, по его власти. И каждый этот удар он выплескивал на меня — не криком, а убивающим презрением.

Кульминацией этого стал визит в частную клинику к профессору. Ислам вошел в кабинет и сел напротив врача, игнорируя мое присутствие, будто я была неодушевленным предметом.

— Слушайте меня внимательно, — голос Ислама был тихим, и от этого более страшным. — Я вложил в эту женщину достаточно. Я обеспечил ей лучшие условия. Почему я не вижу результата?

Профессор пытался что-то объяснить:

— Ислам Русланович, организм женщины — тонкий инструмент. Постоянный стресс, психологическое давление... Вашей супруге нужно расслабиться, возможно, сменить обстановку...

Ислам резко встал, и стул с грохотом отлетел к стене. Он подошел ко мне, схватил за подбородок и заставил посмотреть ему в глаза.

— Ты слышала? — прошипел он мне в лицо. — Сменить обстановку? Да она живет как королева! Если этот «инструмент» не работает, значит, он сломан. Скажи мне прямо, доктор: она способна родить мне сына, или мне пора искать ту, которая справится с этой задачей?

Когда на свет наконец появилась Амина, я получила небольшую передышку.

Ислам заметно смягчился. Он подарил мне кольцо, которое стоило целое состояние, а в его глазах появилось нечто похожее на тепло.

— Она чудесная, — сказал он, возвращая мне спящую Амину. — Но дому нужен наследник. Не затягивай с этим.

Амине не исполнилось и трёх месяцев, когда Ислам решил, что я достаточно восстановилась. Мое тело снова стало объектом планирования, графиков и медицинских манипуляций.

Первый выкидыш случился на восьмой неделе. Второй раз всё закончилось на третьем месяце.

— Опять? — только и сказал тогда мой муж. — Что с тобой не так? Врачи говорят, ты здорова. Может, ты просто не хочешь этого ребенка? Может, ты делаешь это специально, чтобы досадить мне?

После третьего выкидыша ярость Ислама не знала границ.

— Моя мать родила пятерых сыновей! — кричал он, толкая меня на кровать. — Жены моих братьев рожают каждый год! Только ты... Ты — мое наказание!

Я поняла, что он не остановится. Он будет мучить мое тело и душу, пока не получит наследника или пока я не умру.

В очередную беременность я почти не дышала, не двигалась, я превратилась в живой инкубатор, покорно принимающий любые лекарства и бесконечные уколы.

Мне сразу же сделали генетический тест, который подтвердил, что у нас снова будет дочка. Ислам не поверил ему, как не поверил ни одному из последующих УЗИ.

Но чуда, о котором он просил, так и не произошло. Мой приговор был подписан.

Глава 12

Тогда, перед его второй свадьбой, я еще не помышляла о побеге. У меня не было на это сил. Глядя на себя в зеркало, я видела покорную, забитую женщину. Ислам победил: он внушил мне, что за пределами этого дома я — ничто, а здесь я хотя бы «мать его детей». Пусть и не тех, которых он ждал.

Я надела платье, которое подарил мне Ислам — роскошное, но закрытое до самого подбородка. Моей задачей сегодня было стать фоном, на котором Хадижа — так звали теперь его невесту — будет сиять ещё ярче.

Выезд в ресторан напоминал парад. Десятки черных внедорожников, рев моторов, сигналы, от которых закладывало уши. Ислам ехал в первой машине с Хадижей. Я — в третьей, вместе с няней и дочерьми.

Это была не просто свадьба — это была демонстрация силы, триумф власти Ислама над городом. Вся «элита» и «сливки общества» пришли засвидетельствовать почтение королю преступного мира.

Внутри зал ослеплял роскошью. На подиуме, утопающем в белых лилиях, восседал Ислам со своей новой женой.

Я вошла в зал, опустив голову — взгляды сотни людей кололи меня, как иглы.

Мои же глаза, вопреки воле, постоянно возвращались к Хадиже. Она была не просто красива — она была ослепительна. В ней не было ни следа той робости, которую я чувствовала в свой свадебный день. Она была похожа на молодую породистую кобылицу, которая знает свою цену и гордится тем, в чьи руки она попала.

Я пыталась представить нашу жизнь в одном доме. Будет ли она почтительна ко мне? Как она будет вести себя с моими девочками?

— Она так молода, — прошептала сидевшая рядом со мной тетка Ислама. — Но кровь у неё горячая. Тебе, Мадина, придется набраться терпения.

— Пора, — раздался над моим ухом голос брата Ислама. Его рука легла мне на плечо.

Самый тяжелый момент для меня настал — первая жена должна поприветствовать вторую.

И я сделала то, чего хотел мой муж — склонила голову перед той, кто заняла моё место в его постели и в его сердце. И, чтобы прилюдно подтвердить свое согласие, я должна была исполнить танец.

Я плыла по кругу, чувствуя на себе взгляд Ислама. Он сокрушил меня окончательно. Он заставил женщину, которую когда-то называл своей душой, танцевать на свадьбе соперницы.

Когда музыка достигла пика, я подошла к подиуму и склонила голову перед Хадижей и Исламом. Это был финал. Момент, когда толпа взрывается аплодисментами, одобряя мудрость и выдержку старшей жены.

— Я принимаю тебя в этот дом, Хадижа, — прошептала я. — Будь верной женой нашему мужу.

Хадижа милостиво кивнула. Ислам бросил на середину круга пачку денег, и банкноты закружились в воздухе.

Зал взорвался криками и аплодисментами. Едва удерживаясь на ногах, я побрела обратно в свой угол. Я сделала то, что должна, и верила, что эта жертва купит мне мир.

Но, проходя мимо братьев Ислама, я услышала короткий смешок:

— Она надолго не задержится... Как только Хадижа родит, эту отправим в горный аул, к дальним родственникам. Без детей.

Глава 13

Праздник отгремел, оставив после себя привкус горечи. В стенах дома остались только мы: глава семьи, его новая королева и я — тень, которой позволили остаться в углу.

Я мечтала только об одном — доползти до детской, прижаться к теплему боку Амины и забыться сном без сновидений. Но едва я коснулась перил лестницы, ледяной голос Ислама остановил меня:

— Хадиже нужна помощь. Зайди к ней.

Когда я вошла в спальню — ту самую, где когда-то я сама в страхе и надежде ждала его — Хадижа уже стояла посреди комнаты. В тусклом свете ночников она казалась нереальной красавицей, сошедшей с полотен о восточных пленницах.

Но в её гордой позе не было ничего от пленницы.

— Помоги мне, — бросила она, не оборачиваясь. — Это платье весит целую тонну!

Я замерла у порога.

— Я сейчас позову Зарему или ещё кого-то из служанок, — тихо ответила я. — Они привыкли помогать с такими нарядами. Они сделают всё быстрее.

Её дерзкий взгляд прошёлся по мне сверху вниз, задержался на моем лице, осунувшемся от усталости и горя. На её губах заиграла высокомерная улыбка.

— Зачем мне служанки, если есть ты? Служанки — это чужие люди. А ты ведь мне теперь не чужая, верно? Ислам сказал, что ты будешь моей опорой. Моей «старшей сестрой». Вот и начини исполнять свои обязанности!

Слово «обязанности» из её уст прозвучало как приговор, как хлесткий удар плетью по открытой ране. Она хотела, чтобы я, первая жена, признанная женщина этого дома, ей прислуживала.

Я подошла, чувствуя, как внутри всё каменеет.

— Ислам скоро придет, я не хочу встречать его в этом панцире...

Мои пальцы, холодные и дрожащие, коснулись первого ряда крошечных жемчужных пуговиц.

— Ты должна быть мне благодарна, Мадина, — протянула она, и я увидела в отражении, как она довольно зажмурилась, когда корсет наконец ослаб. — Теперь тебе не придется мучиться, пытаясь угодить мужу. Я возьму это на себя. Ислам сказал, что ты... устала.

Мне хотелось спросить, знает ли она, скольких детей я не смогла родить, сколько слез впитала моя подушка, но я лишь продолжала механически расправляться с застежками.

— Какие у тебя холодные руки... — снова начала говорить Хадижа. — Они дрожат. Ты боишься меня? Или его?

Я продолжала молчать, сосредоточившись на бесконечном ряде жемчужных пуговиц.

— Почему ты молчишь? — когда платье наконец соскользнуло с её плеч, Хадижа резко обернулась. — Ты что, думала, что будешь здесь единственной?

— Я надеюсь, что ты будешь добра к моим дочерям, — мой голос прозвучал глухо. — Это всё, о чем я прошу.

— Дети... — она махнула рукой. — Не переживай, если они не будут путаться под ногами и мешать, я их и не замечу.

Платье опало к её ногам.

— Ты думаешь, я согласна делиться? — её голос упал до ядовитого шепота, от которого по моей спине пробежал озноб. — Я не буду «второй». Я не собираюсь делить своего любимого! В тот самый день, когда крик моего сына огласит этот дом, для тебя здесь не останется места. Я найду способ избавиться от тебя! А пока — подними платье. Оно слишком дорогое, чтобы валяться на полу.

Я смотрела в её глаза и видела в них теперь не просто капризную девчонку, а безжалостного врага. Мои надежды на «почтительность» рассыпались в прах.

Я медленно наклонилась и подняла тяжелый подол. В этот момент я окончательно поняла: она не будет добра к моим детям. Они для неё — препятствие, живое напоминание о том, что до неё здесь была другая.

— Уходи, — бросила она. — И не забудь про завтрак. Привыкай подчиняться той, кто скоро станет здесь единственной хозяйкой.

Ярость вспыхнула ослепительным, обжигающим пламенем.

Я сбежала по лестнице вниз, толкнула тяжелые дубовые двери кабинета с такой силой, что они с грохотом ударились о стены. Ислам сидел за своим массивным столом, окутанный сизым дымом дорогой сигары.

— Ты забыла, как входят в эту комнату, Мадина? — процедил он.

— Я забыла, как быть твоей половой тряпкой, Ислам! — я шагнула к столу, уперлась в него ладонями и посмотрела ему прямо в глаза. — Ты привел в этот дом не жену. Ты привел гадюку, которая в первую же ночь пообещала вышвырнуть меня и моих детей на улицу!

Ислам медленно выпустил струю дыма. Его взгляд стал еще холоднее.

— Хадижа слишком молода... Ей нужно время, чтобы привыкнуть к тебе...

— Почему ты позволяешь этой девчонке унижать мать твоих детей? Где твоя защита, которую ты обещал мне?

Я видела, как желваки заходили на его лице. Он не привык, чтобы с ним говорили в таком тоне. Никто не смел.

— Если ты сейчас не поставишь её на место, я сама превращу её жизнь в такой ад, что она сбежит отсюда быстрее, чем догорит твоя сигара!

Ислам резко встал. Он обогнул стол и в два шага оказался рядом, нависая надо мной своей огромной, пугающей тенью. Он схватил меня за плечи так, что я поняла — завтра там будут синяки.

— Не забывай, кто я такой. Одно моё слово — и ты окажешься в таком месте, где никто и никогда не услышит твоих криков.

— Тогда скажи это слово прямо сейчас, — выдохнула я. — Убей меня или выгони. Но не смей думать, что я буду молчать!

Мы стояли так несколько секунд — два злейших врага, скованных узами брака.

Но внезапно он разжал руки. На его губах появилась ухмылка.

— Хорошо, я поговорю с Хадижей, — он вернулся к столу и погасил сигару в пепельнице. — Но запомни: еще раз ты начнешь качать права... Это моё последнее предупреждение!

Я вышла из кабинета, шатаясь, как от удара. Я защитила своё оскорблённое достоинство, но цена этой победы оказалась выше, чем я могла себе представить. Я объявила войну в доме, где у меня не было союзников.

Глава 14

Разговор с Исламом подействовал на Хадижу лишь отчасти: она перестала открыто хамить мне, но её присутствие в доме сделало мою жизнь невыносимой. Она не упускала ни одной возможности меня задеть.

Ислама почти никогда не было дома. Он был поглощен делами своего синдиката: бесконечные встречи, звонки, контроль финансовых потоков — город требовал от него железной хватки и постоянного присутствия. А когда он возвращался, смертельно усталый, то закрывался в кабинете или исчезал в спальне Хадижи. Я видела его только мельком, как тень, которая когда-то была моим мужем.

Как-то поздно вечером я осмелилась зайти к нему в кабинет. Он выглядел уставшим, но его взгляд при виде меня мгновенно стал настороженным.

— Опять жалобы? Избавь меня от них! У меня голова идет кругом от проблем!

— Это не жалоба, Ислам. Это напоминание, — я застыла у порога, опустив глаза. — Ты — человек, который уважает традиции и законы. Но закон говорит прямо: если у мужчины две жены, он обязан обеспечить им равные условия. И главное из них — отдельное жильё.

— Ты хочешь, чтобы я купил тебе другой дом?

— Я хочу, чтобы мы не делили один... Хадижа не хочет меня видеть, а я не желаю быть свидетелем твоего нового счастья. Раздели нас, Ислам. Это твой долг как мужчины и как мужа.

— Ты хочешь, чтобы я тратил время, бегая между двумя домами? Мне удобно, когда все мои жены и дети живут в одном месте. Я не собираюсь распылать охрану и свои силы только потому, что вы не можете поделить кухню!

— Это не про кухню, Ислам!

— Достаточно! — он раздражённо повысил голос. — Вы обе останетесь здесь! Ты хочешь дом? Ты его имеешь. Это мой дом. И здесь всё будет так, как удобно мне!

— Она совсем не понимает, куда попала, Ислам, — тихо произнесла я, с сожалением качая головой. — Ты взял в жены девчонку, которая думает, что статус твоей жены — это бриллианты и капризы. Она не знает, как должна вести себя достойная женщина в нашем мире...

Ислам уставился на меня. Он знал, что я права, но не желал признавать этого.

Он сам всё чаще сталкивался с хаосом, который создавала Хадижа. Её дерзость, которая поначалу, возможно, показалась Исламу очаровательной, теперь всё чаще перерастала в открытую капризность. Она могла закатить скандал прислуге из-за мелочи или громко спорить с охраной при гостях. Я видела, как Ислам всё чаще морщился при звуке её голоса. Ему, привыкшему к абсолютному подчинению и тишине, эта взбалмошная девчонка начинала мешать.

Но он не мог выплеснуть это на Хадижу. В его глазах она теперь была «священным сосудом», который должен принести ему сына. Его раздражение на неё не имело выхода — поэтому оно выплеснулось на меня.

— А ты? Ты здесь для чего? — он вдруг сорвался на крик. — Чтобы стоять в углу и считать её ошибки?

Он ударил кулаком по столу, так что ваза на нем жалобно звякнула.

— Это твоя вина, Мадина! Ты обязана взять эту девчонку под свое крыло. Обязана научить её всему! Это твой долг! Учить её, как молчать, как подавать еду, как вести себя перед моими братьями! Приучи её к нашим порядкам, или я клянусь — я выжгу это высокомерие из вас обеих!

Я смотрела на него, не веря. Он хотел сделать меня нянькой для своей любовницы? Хотел, чтобы я, которую он унизил и отодвинул на второй план, теперь ковала для него «идеальную жену»?

— Нет, Ислам. Я не обязана...

— Что ты сказала?

— Я сказала «нет», — я сделала шаг вперед, не отводя взгляда. — Моя обязанность — растить и воспитывать наших детей. Вот их я и буду учить. А твоя Хадижа... она взрослая женщина, которую *ты* выбрал. Если она не понимает, что значит быть женой такого человека, как ты — это твоя проблема и твоя расплата за твой выбор. Воспитывай её сам, если сможешь.

Ислам замахнулся, и я на секунду зажмурилась, ожидая удара.

— Пошла вон, — прошипел он, опуская руку. — Уйди с моих глаз!

Я вышла в коридор. На кухне Хадижа кричала на повара, размахивая руками. В ней не было ни капли благородства. Она была как яркая, дешевая обертка, внутри которой скрывалась лишь пустота и базарная злость.

Я закрыла за собой дверь детской, и грохот собственного сердца в ушах наконец начал стихать. Амина сидела на своей кровати, обхватив коленки руками, и её большие, не по-детски серьезные глаза светились в полумраке.

— Мама, — прошептала она, когда я подошла и опустилась на край её кровати. — Почему та женщина всё время кричит? И почему она никуда не уходит...?

Я тяжело вздохнула. Как объяснить ребенку то, что я сама не могла принять?

— У твоего отца теперь есть еще одна жена. Наша вера и традиции позволяют мужчине иметь больше одной жены, если он может о них позаботиться...

Амина нахмурилась. Её маленькое личико исказилось от напряжения, будто она пыталась решить сложнейшую задачу.

— Но она злая, мама. И на тебя смотрит так зло...

— Ей нужно привыкнуть... Нам всем нужно привыкнуть друг к другу.

Амина замолчала на минуту, задумалась.

— Мама... а у моего мужа тоже будет две жены? — спросила она вдруг.

— Если он захочет, и, если он будет достойным человеком... — начала я, но она меня резко перебила.

— Тогда я вообще никогда не выйду замуж!

Я смотрела на свою дочь и видела в ней себя — ту, какой я была до того, как этот мужчина выпил из меня всю волю. И вместе с болью пришло леденящее осознание: какой пример я ей подаю?

Чему я научу своих дочерей? Что быть женщиной — значит терпеть унижения? Что наше достоинство — это разменная монета для комфорта мужа? Что мы — тени, чья единственная задача — не отсвечивать, пока «король» выбирает себе новую фаворитку?

В ту ночь, когда Амина уснула, я долго смотрела в окно. Я больше не думала о том, как договориться с Исламом или как поладить с Хадижей. Я думала о том, что лет через пятнадцать на моем месте может оказаться Амина. И эта мысль по-настоящему меня ужасала.

Я не могла этого допустить.

Глава 15

На следующее утро я накрыла стол в большой столовой, как и полагалось по правилам, которые Ислам так любил. Когда Хадижа спустилась, заспанная и разъяренная, она обнаружила меня во главе стола.

— Почему ты не принесла поднос наверх?! — выкрикнула она, даже не удосужившись поздороваться.

— В этом доме завтракают только в столовой. Ты ведь хочешь научиться быть достойной женой, разве нет? Присаживайся рядом.

— Я уже достойная жена! — заявила она и горделиво вскинула подбородок. Однако, всё-таки послушалась меня и села за стол — видимо, тоже чувствовала всё нарастающее недовольство Ислама.

Весь завтрак я вела себя как идеальная «старшая сестра»: я поправляла её, если она слишком громко звенела посудой или приборами, сделала ей серьёзное внушение по поводу слишком открытого выреза халата.

— Ты слишком много на себя берешь, — прошипела она, теряя терпение из-за моих замечаний.

— Я забочусь о тебе, — я покачала головой. — Кажется, ты до сих пор так и не поняла, в какой дом попала. Здесь уважают и чтут традиции, здесь есть свои правила и я, как старшая жена, обязана их тебе привить...

— Плевала я на ваши дурацкие правила! — Хадижа вышла из себя. — И традиции! Я буду делать только то, что хочу! И первое, чего я хочу, это чтобы тебя выгнали отсюда!

Высказав мне всё это, она демонстративно схватила тарелку и ударила ею об стол. Осколки полетели в разные стороны — я едва успела прикрыть лицо.

После чего Хадижа убежала наверх, крикнув охранникам, чтобы ей подготовили машину — ей захотелось шопингом поднять себе настроение, упавшее из-за меня.

Когда вечером Ислам, уставший после тяжелых переговоров, вошел в дом, Хадижа подлетела к нему в холл, размахивая пакетами из магазинов, требуя немедленно оценить её покупки. В этот момент Ислам пытался поговорить по телефону с кем-то важным.

— Замолчи! — рявкнул Ислам, сбрасывая вызов. Его лицо потемнело от гнева. — Ты не видишь, что я занят? Что за базар ты здесь устроила?

Хадижа замерла, её нижняя губа задрожала. Она привыкла, что её беременность — это индульгенция на любое поведение, и не ожидала, что терпение у её супруга закончится так быстро.

— Но я... я просто хотела... — прошептала она, готовая разрыдаться.

— Марш в свою комнату! — крикнул Ислам. — Живо!

Он перевел взгляд на меня. В его глазах я увидела немую просьбу навести порядок, вернуть в дом ту тишину, которую я обеспечивала ему годами.

— Почему ты не присмотрела за ней? — раздражённо спросил он. — Почему не объяснила, как следует вести себя...

— Я стараюсь, Ислам! Но она не слушает меня... Что мне остаётся делать?

В ту ночь из их спальни на весь дом разносились звуки скандала. Хадижа плакала, обвиняя его в черствости, а Ислам, который больше всего на свете ненавидел женские истерики, орал на неё ещё громче, вынуждая её плакать ещё сильнее.

Но первое серьёзное столкновение произошло, когда к Исламу приехали его старшие родственники — люди старой закалки, для которых женщина в доме — это прежде всего прислуга.

Я взялась за приготовление сложного традиционного блюда, которое так любил дядя Ислама.

— Хадижа, — окликнула я её, когда она проносилась мимо, благоухая духами и сверкая новым браслетом. — Ислам просил, чтобы ты подала на стол старшим. Просто вынеси поднос и молча склони голову.

Я подала ей тяжелый медный поднос. Хадижа, решив блеснуть своим «обаянием», не просто подала еду, а начала кокетливо рассказывать, как тяжело ей далось «стоять целый день у плиты».

Я видела, как помрачнел дядя. Видела, как Ислам сжал челюсти. Молодая жена не должна хвастаться своей усталостью перед старшими мужчинами — она служит им молча.

— Ты даже не научила её закрывать рот, Мадина? — бросил мне Ислам позже, когда гости ушли, а Хадижа, не поняв своей ошибки, возмущалась, что «старики даже спасибо не сказали».

Пришлось Исламу объяснять всё ей самому... К концу его монолога Хадижа поняла, что её «блестящая жизнь» превращается в череду унижений и скандалов с Исламом. И в её представлении виновата во всём была только я.

— Она ненавидит меня! — рыдала Хадижа. — Эта твоя Мадина... она ведьма! Она специально всё подстраивает! Она хочет сжить меня со свету, хочет, чтобы я потеряла ребенка! Я боюсь есть то, что она готовит! Я боюсь за нашего сына! Она смотрит на меня так, будто желает мне смерти! Она подставляет меня перед твоими родственниками, шепчет гадости за моей спиной! Ислам, ты должен её выгнать! Прямо сейчас!

Ислам рывкнул на неё и вышел в коридор — взерошенный, с красными от злости глазами. Он увидел меня, застывшую от неожиданности его появления.

— Ты всё слышала? — прорычал он. — Она утверждает, что ты хочешь её смерти.

— Ты же сам видишь, в каком она состоянии, — прошептала я. — Беременность туманит ей разум. Я лишь пытаюсь сохранить хоть какой-то порядок в твоём доме, пока она кричит на прислугу...

Я видела, как в нём прямо сейчас борются остатки привязанности к Хадиже и растущее отвращение к её истеричности. На этом фоне моя сдержанность и спокойствие были для него как глоток свежего воздуха.

— Иди к себе, Мадина, — глухо сказал он. — Я сам с этим разберусь.

Но я знала — он не «разберётся». Он просто еще на один шаг приблизился к тому, чтобы признать свой второй брак чудовищной ошибкой...

Но, в тот момент, когда мне уже начало казаться, что я смогу выйти победительницей из этой игры, произошло самое страшное.

Глава 16

В ту ночь сон не шел ко мне. Амина спала рядом и тоже беспрестанно ворочалась, и я вдруг заметила, что дыхание у неё стало тяжелым и прерывистым. Коснулась её лба и почувствовала, что она стала горячее, как раскаленный уголь.

— Мама, мне холодно... — прошептала она в бреду, хотя кожа её буквально пылала.

Я попыталась дать ей жаропонижающий сироп, но её зубы были плотно сжаты в лихорадочном спазме. Мне пришлось почти насильно разжать ей рот, но половина розовой жидкости всё равно вылилась на простыню. Я смачивала полотенце и обтирала её, шептала молитвы, но жар не спадал. Дыхание становилось всё более свистящим, прерывистым. Я чувствовала, как внутри меня разрастается ледяной ком паники — дело было серьезное, слишком серьезное для домашних средств.

— Нужно к врачу, — прошептала я, лихорадочно соображая, где мой телефон.

И в тот момент ночную тишину разорвал крик из спальни Хадижи.

Амина вздрогнула и заплакала, еще сильнее вжимаясь в меня.

— Тише, родная, тише, я здесь, — прошептала я.

В коридоре послышался топот тяжелых ботинок, хлопанье дверей и резкий, надрывный голос Ислама.

— Живо! Машину ко входу!

Суэта в доме нарастала. Я слышала, как по лестнице бегают люди, как грохочут рации охраны.

Накинула халат и выскочила в коридор. Дверь в спальню Хадижи была распахнута настежь.

Из комнаты выбежала испуганная служанка с окровавленной простыней. Следом Ислам вынес на руках Хадижу. Она была смертельно бледной, её голова безвольно откинулась назад, а на подоле белоснежной ночной сорочки расплывалось огромное, жуткое алое пятно.

— Машину! Быстрее! — орал Ислам, и его лицо было перекошено от страха.

Не за жену он боялся. Он боялся потерять наследника.

Проходя мимо, он посмотрел на меня с такой ненавистью, что я невольно отшатнулась. Это был взгляд человека, который уже нашел виноватого.

— Амина заболела, — поспешила я сообщить. — У неё страшный жар! Вызови врача, скажи охране, чтобы привезли доктора!

— У Хадижи кровотечение. И ребенок... мой сын... — его голос сорвался на рычание. — Она говорила, что ты желала ей смерти!

— У твоей дочери жар! — перебила я его. — Мне нет дела до твоей Хадижи, когда мой ребенок в таком состоянии!

— Если она потеряет ребенка, — процедил он сквозь зубы, — если я узнаю, что это твоих рук дело... Клянусь, я забуду, что ты мать моих детей. Уйди с дороги, — прохрипел он, толкая меня плечом так, что я едва удержалась на ногах.

— Ислам, услышь меня! — я преградила ему путь снова. — Пошли одну машину за врачом!

Его рука взметнулась молниеносно. Удар пришелся мне в голову, удар такой силы, что я отлетела к стене, больно ударившись затылком о край резного зеркала. В глазах потемнело, вспыхнули тысячи ослепительных искр, а во рту мгновенно разлился солоноватый, металлический вкус крови.

Я сползла по стене на пол, прижимая ладонь к пульсирующей щеке. Входная дверь захлопнулась. Рев машин стих, унося его прочь.

Боль от удара была острой, но она была ничем по сравнению с тем, что произошло внутри. Последняя нить, связывавшая меня с этим человеком, с этой жизнью, с этим домом, оборвалась. Женщина, которая любила его и которая терпела его холод — исчезла.

Осталась только мать.

Я поднялась, пошатываясь. Голова кружилась, челюсть нещадно ныла, но я не проронила ни слезинки. Мои глаза были сухими и жгучими.

В холле остались двое охранников. Я бросилась к одному и, прежде чем он успел сообщить, что происходит, я вырвала у него из рук телефон. Дрожащими руками набрала номер скорой помощи.

— Заявка принята, ожидайте, — ответил голос диспетчера.

Я отбросила телефон на диван и поспешила назад в комнату, где металась в бреду Амина. Она была в полузабытьи.

— Потерпи, маленькая моя, — я снова и снова прикладывала холодный компресс к её лбу. — Помощь едет. Мама здесь. Мама тебя не бросит.

— Мамочка, что у вас с лицом? — вошедший врач ужаснулась, увидев мой быстро напухающий синяк и разбитую губу.

— Упала, — коротко бросила я, отворачиваясь. — Займитесь, пожалуйста, ребенком...

— Коли литическую смесь, — быстро скомандовала врач медбрата, после короткого осмотра. — Мы забираем её. А вы собирайтесь, поедете с нами.

Мои руки дрожали так, что я едва могла расстегнуть молнию на дорожной сумке. Я кидала туда всё, что попадалось под руку, потому что никак не могла сообразить, что именно понадобится нам в первую очередь. Малышка Сафия проснулась от шума и теперь сидела в своей кроватке, хлопая глазами и собираясь заплакать. Я подхватила её на руки, прижала к груди.

— А эту куда? — врач удивленно подняла брови. — Мы в инфекционное отделение едем, там с грудными нельзя, если они здоровы.

— Мне не с кем её оставить, — мой голос сорвался, но я тут же взяла себя в руки. — В этом доме никого нет, муж в больнице с другой... с родственницей. К тому же... — я коснулась лба младшей. — Она, кажется, тоже начинает болеть. Смотрите, какая она вялая. Она уже начинает гореть. Я не могу оставить её здесь одну.

Я лгала, не моргнув глазом, потому что знала: если я оставлю младшую здесь, Ислам использует её как заложницу. Он заберет её, чтобы заставить меня вернуться. Я не могла этого допустить.

— Ладно, пишите в карте, что у обоих симптомы. Грузите сумки в машину, поехали!

Охранники стояли как истуканы, не зная, что им делать в отсутствие хозяина.

Я запрыгнула в машину скорой помощи, втиснувшись между носилками с Аминой и сиденьем, крепко прижимая к себе младшую.

Машина рванула с места. Огромный особняк медленно исчезал в темноте.

Глава 17

Температуру удалось сбить. Амина спала, её дыхание наконец стало ровным и глубоким. Младшая посапывала рядом в казенной люльке.

Зато меня внезапно накрыла сильная боль. Она была не просто пульсирующей — она ослепляла.

Левый глаз полностью заплыл и превратился в багровую щель, щека раздулась, а губа лопнула. Но хуже всего было то, что я не могла до конца сомкнуть челюсть.

Пожилой хирург долго вглядывался в серые рентгеновские снимки, хмурясь и потирая переносицу.

— Ну что ж, Мадина... — он вздохнул, опуская снимок. — Удар был профессиональный. Точный. У вас трещина в скуловой кости. Еще пара миллиметров, и последствия могли быть плачевными.

Он замолчал, ожидая, что я скажу. Ожидая, что я назову имя...

— Я упала... на лестнице, — из-за боли я едва могла шевелить губами.

— Мадина... — он посмотрел мне прямо в глаза, — если вы вернетесь туда, где «падают» с таких лестниц, в следующий раз рентген вам уже не понадобится... Будет слишком поздно.

Я вернулась в палату и села на край кровати. Я знала: если Хадижа потеряет ребенка, Ислам не будет разбираться в медицинских причинах. Он вспомнит наши ссоры и её жалобы на то, что я «хочу её сжить со свету»... Тогда мне не сносить головы.

Внезапно дверь палаты открылась. На пороге стоял человек в форме.

— Мадина... — он заглянул в свои записи. — Я — лейтенант Ахмедов. Мне поступил сигнал о тяжелой травме.

— Я уже всё сказала врачу... Я просто упала!

Лейтенант подошел ближе и сел рядом на стул.

— Послушайте... Я не первый день живу на свете... Я видел сотни женщин, которые «падали с лестниц», «ударялись о косяки» и «спотыкались о ковры». Я всё понимаю. Но если вы сейчас промолчите, я не смогу вам помочь.

— Не надо ничего делать, — выдохнула я. — Пожалуйста. У меня дети... мне просто нужно вылечиться и уйти!

— Я знаю, чья вы жена, — произнес он вполголоса. — И я здесь, чтобы сказать: в этом городе вы не одиноки. Ислам нажил себе много врагов. И эти люди готовы предложить вам убежище.

В моей голове зазвучали слова Ислама: «Мои враги только и ждут, чтобы использовать тебя против меня. Они сделают с тобой такое, что ты будешь сама умолять о смерти».

Вот они. Те самые «враги».

— Вы хотите использовать меня против него?

Лейтенант Ахмедов посмотрел на меня прямо и серьезно.

— Мы хотим справедливости. А вы хотите свободы. В данном случае наши интересы совпадают.

Я на миг прикрыла глаза и вспомнила тот страшный, сокрушительный удар, которым Ислам ответил на мою мольбу спасти нашу дочь. Много лет он пугал меня внешними врагами, чтобы я не замечала, что главный враг — тот, кто спит со мной в одной постели?

Что могут сделать со мной эти люди? Разбить мне лицо? Ислам уже сделал это. Забрать моих детей? Он бросил Амину в огне лихорадки. Враги Ислама хотя бы предлагали сделку. Ислам же предлагал бесконечное унижение.

«Если ты хочешь спастись от двух волков, — учила меня когда-то бабушка, — не выбирай того, кто обещает меньше кусать. Беги туда, где нет ни одного».

— Нет, — прошептала я. — Вы хотите использовать меня и моих дочерей? Чтобы он пришел нас «спасать», а вы всадили ему пулю?

— Мы предлагаем защиту...

— Ложь! Вы ничем не лучше моего мужа. Для вас я не человек, а его слабое место. Вы хотите перетащить меня из одного ада в другой, где мои дети будут заложниками в вашей войне кланов.

— Вы упрямы, — холодно произнес он. — Но вам нужна помощь. У вас нет денег, нет документов, у вас разбито лицо... Вы даже крикнуть не сможете.

— Уходите!

— Вы совершаете ошибку, — он выпрямился, поправил кобуру на поясе и подошёл к окну. В скудном свете, падавшем оттуда, я наконец-то смогла его разглядеть.

Хмурое, серьезное лицо, которое, казалось, давно забыло, как выглядит улыбка. Тонкий белесый шрам, пересекающий правую щеку — рваный след, оставленный, должно быть, осколком или ножом.

— Вы упрямы, — повторил он. — И это упрямство вас погубит.

Что я могла сказать? Я не верила Исламу. Но я не верила и Ахмедову.

— У меня была сестра, — произнес он. — Её муж... он был влиятельным человеком. Не таким, как Ислам, но достаточно сильным, чтобы все закрывали глаза на синяки под её платком. А потом... его очередное «воспитание» зашло слишком далеко.

Он замолчал, и я увидела, как его рука непроизвольно сжалась в кулак.

— Я тогда был совсем мальчишкой... Но в тот день я поклялся, что буду делать всё, чтобы никогда больше этого не допустить...

Он подошел к тумбочке и положил на неё визитку.

— Если вы не доверяете мне — позвоните по этому номеру. Это не полиция и не враги Ислама. Это волонтеры из кризисного центра. Они знают, как действовать в таких ситуациях. Я пришлю к вам одну из них прямо сейчас.

Ислам учил меня, что мир состоит из хищников и добычи. Что все вокруг хотят только одного — ударить его через меня. Но сейчас я впервые задумалась: что, если не все люди — волки? И могу ли я хоть кому-нибудь из них доверять?

Глава 18

Могу ли я довериться чужим людям и лишиться дочерей дома, достатка и отца? Что в таком случае нас ждёт?

Вечный страх, что Ислам нас найдёт...

Но тут я вспомнила взгляд Ислама перед тем, как он меня ударил. В нем не было ни капли привязанности. В нем не было даже собственничества. В нем было пустое, выжженное «ничто».

Этот взгляд говорил, что, если я исчезну, Ислам не будет меня искать. Не будет искать дочек. Мы ему не нужны. Если Хадижа даст ему то, чего он хочет — наследника — он просто вычеркнет нас из памяти.

Быть любимой тираном — это проклятие. Быть забытой им — это высшая милость.

Пусть он будет счастлив с Хадижей. Пусть он получит всех сыновей мира. Главное — пусть он забудет наши имена!

В этот момент в палату вошла женщина с удивительно спокойными, глубокими глазами — глазами человека, который видел слишком много горя, чтобы его можно было чем-то удивить.

— Меня прислал Ахмедов, — тихо произнесла она, закрывая за собой дверь. — Мы можем вам помочь. Можем вас спрятать. У нас есть охрана, врачи, которые зафиксируют ваши травмы для суда, если вы решитесь. Там вы будете в безопасности.

— Но... Мне нечем вам заплатить... У меня нет денег.

Тут мой взгляд непроизвольно упал на мои собственные руки, сложенные на коленях. На них тускло блестели три крупных золотых кольца с камнями. Мои «награды». Первое — тяжелое, с массивным бриллиантом — Ислам надел мне на палец в день свадьбы. Второе — подарок за рождение Амины, третье — за рождение младшей.

Три кольца. Три вехи моего рабства.

Я судорожно начала стаскивать самое дорогое — свадебное. И протянула его на раскрытой ладони.

— Возьмите. Это всё, что у меня есть сейчас...

Но женщина даже не взглянула на золото. Она осторожно накрыла мою ладонь своей — теплой и надежной. И мягко сжала мои пальцы, заставляя кулак закрыться.

— Оставь себе, — сказала она уверенно. — Тебе они еще пригодятся.

— Возьмите, — повторила я. — Я не верю в подарки. За всё в жизни нужно платить. Если я не заплачу вам сейчас этим кольцом, я буду должна вам чем-то гораздо более дорогим...

— Ты права, Мадина. Платить придется, — тихо сказала она, и я внутренне сжалась. — Но не золотом. Твоя плата — это обещание. Поклянись мне, что когда наступит день, когда ты снова будешь твердо стоять на ногах, ты не пройдешь мимо женщины, которая оказалась в беде. Вот твой долг. Ты согласна?

Я? Встану на ноги? Сейчас я чувствовала себя настолько разбитой, что, кажется, меня уже невозможно снова собрать. Я была раздавлена, унижена и выброшена на обочину собственной жизни.

Но в этих словах была такая непоколебимая вера в моё будущее, которой у меня самой никогда не было, что я не могла ответить иначе.

— Да... Я клянусь.

Женщина кивнула, удовлетворенная моим ответом. Она быстро накинула на меня широкий темный платок, который скрыл и мою повязку, и моё разбитое лицо.

— Идем. Машина у черного входа.

Глава 19

Я прижалась виском к холодному стеклу старой, дребезжащей «Лады. На моих коленях, свернувшись калачиком, спала младшая, а Амина привалилась к моему плечу. Паника, которая на мгновение отступила в палате, теперь снова вгрызалась в грудь. Я увожу дочь, которой только что стало лучше, из больницы. Что, если я совершаю роковую ошибку?

Елена мельком взглянула на меня и как будто прочитала мои мысли.

— В нашем центре есть свой врач, — напомнила она. — Он осмотрит девочку сразу же, как приедем. У нас есть все необходимые лекарства. Ты всё сделала правильно...

Когда водитель повернул голову, чтобы взглянуть в боковое зеркало, я замерла. Профиль с характерным шрамом, серебро на висках... Это был сам Ахмедов.

— Куда мы едем? — прошептала я, чувствуя, как страх снова начинает душить. Что, если меня обманом заманили в эту машину?

— Мы едем в соседнюю область, — ответил Ахмедов спокойно, не отрывая взгляда от дороги. — Там у вашего мужа нет власти.

— Но он будет искать...

— Пусть ищет, — Ахмедов взглянул на меня через зеркало заднего вида. — Для всего мира вы пропали без вести. Потерпите немного. Скоро мы будем на месте.

Я не знала, кто этот человек на самом деле — мой спаситель или просто враг моего врага, но мне придётся научиться ему доверять. У меня нет выбора...

Мы ехали долго. Городские многоэтажки сменились унылыми промзонами, а затем — бесконечными заснеженными полями. Мы уезжали всё дальше от моей прошлой жизни. И с каждой минутой, с каждым километром я чувствовала, как невидимая удавка на моей шее, которую Ислам затягивал годами, понемногу ослабевает.

Наконец машина затормозила у высокого забора где-то на окраине тихого городка.

— Приехали, — коротко бросил Ахмедов. Он вышел первым и открыл мне дверь.

Я попыталась встать, но мир качнулся. Если бы не рука Ахмедова, подхватившая меня под локоть, я бы могла упасть. Елена сразу же оказалась рядом и взяла у меня из рук младшую дочь.

— Отдай её мне. Тебе нужно беречь силы, — прошептала она.

Я видела, как она прижала мою малышку к груди, укрывая её своим кардиганом от утренней измороси. Елена шла впереди, а я, опираясь на руку Ахмедова, следовала за ней вглубь двора.

Центр не был похож на больницу или тюрьму, как я ожидала. Это был просто старый, крепкий двухэтажный дом, скрытый за густыми зарослями туи и высоким забором с колючей проволокой по верху — единственной деталью, напоминавшей о том, что это крепость.

Впрочем, внутри было ещё несколько деталей. На входе — тяжелая стальная дверь, которую Елена заперла на несколько замков. В прихожей висели мониторы, на которые выводились изображения с камер по всему периметру.

Елена привела нас в небольшую комнату на втором этаже. В ней были две аккуратно застеленные кровати, детская люлька в углу и небольшое окно, выходящее в закрытый внутренний сад.

— Клади Амину сюда, — Елена помогла мне устроить старшую дочь на кровати. — А младшую в люльку.

Почти сразу же в комнату вошла женщина.

— Это Ольга Николаевна, — тихо представила её Елена. — Она наш ангел-хранитель.

Врач послушала дыхание Амины, проверяла температуру, осмотрела горло, что-то тихо нашептывая девочке, отчего та перестала хмуриться.

Закончив с дочерью, врач подошла ко мне. Её пальцы коснулись моей скулы так легко, что я почти не почувствовала боли. Она внимательно изучила рентгеновские снимки и посмотрела на мою фиксирующую повязку.

— Назначения из больницы верные, — сказала она. — Мы продолжим курс антибиотиков для Амины. Жар не должен вернуться, но нужно последить. А твоя травма... всё скоро заживёт. Главное сейчас — покой.

Она положила руку мне на плечо и слегка сжала его, глядя прямо в глаза.

— Всё будет хорошо, слышишь? Здесь вы в безопасности.

Я просто кивнула, не в силах вымолвить ни слова из-за подступивших к горлу слез.

Наша комната была крохотной — настолько, что казалось, если я раскину руки, то коснусь противоположных стен. Она была обставлена просто, даже бедно: пожелтевшие от времени обои, две узкие железные кровати, застеленные выцветшим бельем, и старая деревянная колыбель в углу, которая, должно быть, видела уже не одно поколение спасенных детей. После вычурной роскоши дома Ислама это место могло показаться нищенским, но для меня это не имело никакого значения.

— Тут есть всё, что нужно на первое время, — тихо сказала Елена, поправляя подушку. — Если чего-то не хватит — скажи. Мы не богаты, но делимся всем, что у нас есть. Тебе, наверное, будет нелегко здесь. После тех дворцов, в которых ты жила...

Я только горько усмехнулась и покачала головой.

— Спасибо вам. За всё.

Елена лишь печально кивнула и вышла, оставив меня наедине с тишиной.

Я подошла к окну, чтобы осмотреть окрестности.

Соседняя область... Ахмедов сказал, что здесь у Ислама нет власти. Но разве границы на карте могут его остановить? Мне нельзя быть наивной... Его деньги купят любую информацию, его связи протянутся через сотни километров. Пока я здесь, я всё еще в зоне его досягаемости.

Он мог не любить меня, но он не мог допустить, чтобы его «собственность» просто взяла и исчезла.

Мне нужно не просто спрятаться. Мне нужно раствориться. Рассвет в этом приюте — это только начало моего пути.

Глава 20

Постепенно Амина поправилась, а с моего лица сошли синяки. Я начала выходить из своей каморки, и в зале, за длинным столом, я встретила их. Женщин с такими же испуганными глазами, как у меня.

Их было пятеро. Разного возраста, разной веры, но с одной и той же проблемой. Оказалось, что моя история не была уникальной. У каждой из них был свой «Ислам».

Мы были как выжившие после кораблекрушения, выброшенные на один и тот же крохотный остров.

Елена часто заходила к нам по вечерам. Она приносила печенье, заваривала крепкий чай с чабрецом и начинала рассказывать. Это были «истории успеха» — её способ кормить нас надеждой, когда обычная еда не лезла в горло.

— Помните Наталью? — говорила она, глядя на нас поверх пара от кружки. — Она приехала сюда три года назад. С одним чемоданом и грудным ребенком. А сейчас? Она живет в другом городе, работает бухгалтером, сняла уютную квартиру. А Катя? Она устроилась в кондитерскую. Жизнь не заканчивается за порогом дома. Она там только начинается!

Я слушала её, и мне начинало казаться, что я вижу свою будущую жизнь. Вижу себя — спокойную и счастливую, ведущую дочерей в школу.

Но потом я вспоминала холодные глаза Ислама и тяжелую поступь его охраны, и мне снова становилось страшно...

— Елена... — позвала я её, когда другие разошлись, и мы остались вдвоем под тусклым светом кухонной лампы. — Вы рассказываете, как женщины уходят отсюда, как они строят свою самостоятельную жизнь. Это звучит очень красиво и вдохновляюще, но... скажите мне правду. Бывали ли другие случаи?

— Что ты имеешь в виду?

— Бывало ли так, что муж... находил кого-то?

Лицо Елены изменилось. Светлая, вдохновляющая маска сползла, обнажив морщины и усталость.

— Бывало, — ответила она сухо. — Мы не боги. Мы делаем всё, что можем, но иногда... иногда система дает сбой. Иногда кто-то из близких предает за деньги. Иногда женщина сама верит обещаниям «всё изменить» и возвращается добровольно. А иногда... — она замолчала, глядя в окно на черные ветви деревьев. — Иногда мужья бывают слишком одержимы. Слишком влиятельны.

Она не стала рассказывать подробности, но мне и не нужно было. Я видела этот мрак в её зрачках. Я видела там тени тех, кто не дошел до своей «кондитерской». Тех, кого нашли.

— Ислам — из таких, — прошептала я.

Однажды вечером в центр приехал Ахмедов, и я не могла упустить возможность, чтобы поговорить с ним.

— Есть ли какие-то новости о Хадиже? — спросила я. — Вы не знаете, удалось ли врачам спасти...

— Нет, — холодно ответил он. — Врачам не удалось ей помочь. Случился выкидыш.

Я замерла. Если бы у Ислама родился наследник, он бы, возможно, забыл о нас. Но теперь...

— Вы должны увезти нас подальше отсюда, — начала говорить я торопливо. — Здесь мне нет покоя!

— Но этот центр — самое защищенное место в радиусе пятисот километров.

— Заборы не остановят его деньги! — выкрикнула я.

— Поверь нашему опыту, — мягко вступила в разговор Елена. — Если ты сейчас запаникуешь, сорвешься и побежишь в никуда, ты сама выдашь себя. Ты должна нам доверять...

— Она права, — добавил Ахмедов, поднимаясь со стула. — Лишние движения сейчас — это риск. Сидите тихо, восстанавливайтесь. А мы пока подумаем о смене документов и переезде.

Эти люди верили в свои заборы, в свои связи, в свою «систему». А я верила только в одно: в свою интуицию, которая не давала мне расслабиться.

Я кивнула, делая вид, что их слова подействовали. Но внутри меня продолжал жить страх.

После этого разговора Ахмедов стал заезжать в центр гораздо чаще. И мы с ним стали чаще говорить. Он даже играл с моими дочками.

— А у вас самого есть семья? — спросила я как-то, наблюдая с каким удовольствием он возится с ними.

Его лицо моментально помрачнело.

— Нет, — ответил он. — Не сложилось...

Я не стала спрашивать, понимая, что для него это неприятная тема.

— Я ведь даже не знаю, как вас зовут, — прошептала я только.

— Адиль, — коротко ответил он. — Меня зовут Адиль.

— Адиль... — я повторила это имя, пробуя его на вкус. — Вы так добры ко мне, Адиль. Я не понимаю, почему. Вы многим рискуете...

Я замолчала, боясь, что сказала лишнее, что нарушила какую-то невидимую границу. Но Адиль не разозлился. Он лишь слегка прищурился, глядя в окно, где ветер качал голые ветви акации.

— Доброта тут ни при чем, Мадина, — сказал он сухо. — Считайте, что так я отдаю долги, которые у меня накопились.

Происходящее между нами было за гранью реальности. Разговор с чужим мужчиной — без посредников, без надзора — казался мне чем-то удивительным. Я уже успела отвыкнуть от своей относительно свободной юности, когда такое ещё было возможно.

Это была свобода, о которой я и не мечтала. Свобода видеть в мужчине не угрозу, а союзника.

Было так странно... Адиль подолгу говорил со мной, играл с девочками, приносил им всякие вкусняшки и игрушки.

— Вы ведь не бросите нас? — я посмотрела ему прямо в глаза, нарушая все правила, которыми меня дрессировал Ислам. — Если он найдет...

Адиль медленно накрыл мою ладонь своей. Его кожа была горячей.

— Пока я дышу, Мадина, никто к вам не прикоснется. Это не обещание. Это клятва!

Глава 21

Я посмотрела на свою ладонь под его горячей рукой и чувствовала, как от этого прикосновения по коже бегут мурашки. Что за странное чувство охватило вдруг меня? Такого я не испытывала много лет. Или... Или вообще никогда не испытывала...

Я осторожно убрала руку и спрятала её в складках длинной юбки.

— Не надо так говорить, — прошептала я. — Не надо клясться. Вы не обязаны мне ничем...

— Я сам решаю, кому я обязан, — перебил он, и в его голосе мелькнула сталь, заставившая меня на миг вздрогнуть. Но он сразу же смягчился: — Я сам хочу вам помогать.

С того дня Адиль стал появляться ещё чаще. Официально — по делам центра. Но я видела, как его взгляд ищет меня среди других женщин, как он находит предлог, чтобы подойти, поговорить...

И я совру, если скажу, что мне это было неприятно. Что я пресекла его интерес на корню... Вместо этого я с ужасом поймала себя на том, что бросаю взгляд на своё отражение в зеркале, когда слышу его голос внизу. Поймала и разозлилась на себя. Какое право я имею на эти глупости? Беглая жена, мать двоих детей...

Но когда он садился на пол и начинал строить башню из кубиков с Аминой, а Сафия, прижималась к его плечу, показывая картинки в книжке, вся злость куда-то уходила. Оставалась только щемящая нежность и благодарность, от которой сжималось горло.

Однажды вечером мы с ним засиделись допоздна. Девочки уже спали в нашей каморке, утомившись от долгой прогулки по двору центра, которую устроил им Адиль. Потом он играл с ними, дурачился, и они визжали от восторга так, что стены, выдавшие много слёз, наверное, удивились.

Теперь было тихо. Мы вдвоем сидели за столом, и между нами остывал чайник. Да, сначала с нами была и Елена, и другие женщины, и их дети, но постепенно все они разошлись. Я тоже должна была встать и уйти, но вместо этого...

— Ты удивительно легко находишь общий язык с детьми, — сказала я, помешивая остывший чай. — У тебя самого их нет, ты говорил...?

К этому времени мы с ним как-то незаметно и легко перешли на "ты".

— Нет, — он помолчал, и я снова увидела тень на его лице. — Были.

Я затаила дыхание, не решаясь ничего спросить, но он сам продолжил.

— А ещё у меня было много врагов. В основном из тех, кого я посадил за решетку, — он сжал ладонь в кулак и затих.

Я смотрела в его глаза и видела в них столько боли... Моя боль была лишь бледной тенью по сравнению с его. Лишь страхом того, что может произойти. Его — уже случившейся трагедией, о которой он не мог говорить вслух.

— Адиль... — прошептала я, и впервые его имя прозвучало для меня не как имя чужого человека, а как имя близкого. — Мне так жаль...

— Я воюю с такими, как твой муж, всю жизнь, — процедил он сквозь зубы. — И буду продолжать делать это... Ты... Ты заслуживаешь лучшего!

— Я ничего не заслуживаю, — я только горько усмехнулась. — Я беглянка. Женщина, опозорившая мужа. В моём мире это приговор.

— Твой мир теперь здесь, — он положил свою ладонь на мою, и я вздрогнула от этого прикосновения. — И ты имеешь право на счастье.

— Адиль... — начала я, но тут до моего слуха долетел звук моторов. Мы оба сразу насторожились и прислушались. Не одна машина — сразу несколько стремительно приближались к

нашему убежищу. Осознав это, Адиль мгновенно выключил свет на кухне и припал к стеклу, чуть отодвинув штору.

— Чёрт, — выдохнул он спустя несколько секунд.

— Что? — я подбежала к нему, и сердце ухнуло.

Вдалеке, на трассе, показались огни. Не одна машина — целая колонна.

Я замерла, вцепившись в подоконник.

Три черных внедорожника остановились у ворот.

Я не могла пошевелиться. Смотрела на то, как из машин выходят люди — темные фигуры, сливающиеся с ночью. И среди них одна — высокая, широкая в плечах. Фигура, которую я узнала бы из тысячи.

Ислам.

Он стоял, засунув руки в карманы куртки, и смотрел на окна центра. Казалось, что он смотрит прямо на меня...

Я отшатнулась от окна, с грохотом опрокинув стул.

— Быстро! — Адиль схватил меня за руку и потащил в коридор. — Бери детей и в подвал!

Я мигом влетела по лестнице вверх, трясущимися руками схватила на руки девочек.

— Mamочка, что случилось? — испуганно залепетала старшая.

— Тише, доченька, тихо, — шептала я, зажимая ей рот. — Идём играть в прятки. Надо спрятаться очень-очень хорошо, чтобы никто нас не нашёл...

Через минуту весь центр был на ногах, а ворота вздрогнули от первого удара. Черный внедорожник таранил их, ревя мотором. Металл заскрежетал, прогибаясь. Еще удар, еще — и ворота слетели с петель, рухнув на землю.

— Они не пройдут, — говорила мне Елена, но голос ее дрожал. — У нас охрана, сигнализация...

— Это его не остановит, — прошептала я. — Я же говорила...

Адиль распахнул перед нами дверь в подвал. Мы с девочками спустились в полумрак.

— Сидите тихо, — приказал он шёпотом. — Не выходите отсюда, что бы ни случилось. Ты меня поняла?

— Адиль, не ходи к нему! — взмолилась я, вцепившись в его руку. — Он тебя убьёт!

Он высвободил руку из моей цепкой хватки и быстро поднялся наверх. Я осталась в абсолютной темноте с детьми.

— Mamочка, здесь так темно, — прошептала Амина.

— Я знаю, малышка. Но так надо. Мы в прятки играем, помнишь?

— Я боюсь...

— Я рядом, я никуда не уйду. Мы будем сидеть тихо-тихо, и никто нас не найдёт. Хорошо?

Вдруг там, наверху, раздался громкий удар. Такой сильный, что стены подвала дрогнули. Ещё удар. И ещё. Сверху донёсся топот, крики. Детский плач. Грубые мужские окрики:

— Всем стоять, не двигаться!

— Обыскать каждый угол!

— Где она?

Этот голос я узнала бы из тысячи. Голос моего мужа.

Он пришёл за мной...

Глава 22

— Где она? — холодно спросил Ислам. Голос хозяина, который пришел за своей вещью...

— Здесь нет никакой Мадины, — ответила Елена, не дрогнув. — Вы ошиблись адресом, убирайтесь вон!

— Не надо лгать, — так же спокойно ответил Ислам. — Я не уйду, пока не получу свое. И вы знаете это...

Шаги загрохотали по полу прямо у меня над головой. Я слышала, как летят на пол вещи, как кричат женщины, как плачут дети...

Я зажмурилась, прижимая к себе своих дочерей. Сейчас. Вот сейчас они найдут нас, и всё для меня будет кончено. Муж убьет меня прямо здесь, при детях, или заберет нас всех, и тогда моя смерть будет долгой и мучительной.

Вдруг раздался такой оглушительный и резкий звук, что я вздрогнула. С

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.